

На своей стороне

16+

Вячеслав Тебенко

Вячеслав Тебенко

На своей стороне

«Автор»

2019

Тебенко В.

На своей стороне / В. Тебенко — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-03559-1

Участники лыжного рейда Тойво Антикайнена, герои и гордость Красной Армии, спустя пятнадцать лет после похода становятся "шпионами" и "вредителями", как и десятки тысяч других военнослужащих. Не желая покорно ждать своей участи, Эйнари Хейкконен решается на отчаянный побег из Советского Союза в Финляндию. Оказавшись в положении беглеца-нелегала, бывший командир РККА становится трофеем для конкурирующих спецслужб. Лавируя между обстоятельствами и собственной совестью, герой книги пытается начать новую жизнь. Но уже через два года он попадает в водоворот событий Зимней войны.

ISBN 978-5-532-03559-1

© Тебенко В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вячеслав Тебенко На своей стороне

*Не знаешь, кто он и откуда,
Не знаешь о нем ничего.
Живой, человеческого рода
В прицеле ствола твоего.*

*Так встретились запад с востоком
Той страшной военной зимой.
Один – не забудет вовеки,
Второго – не дождутся домой.*

Юрьё Олави Юльхя

Глава I

Беглецы

Эйнари проснулся рано, не было и пяти. Осенью на севере Карелии в это время еще совсем темно. Нужно подождать – сейчас выходить бесполезно, но через час-полтора надо идти.

«Не идти, а бежать! Бежать! – думал Эйнари. – Вещмешок, еды на три дня, документы, револьвер, награды, деньги... Лучше бы купил еще часов или каких-то украшений. Зачем эти рубли? Прикуривать от них, что ли?»

Эйнари нервничал. В одиночку он запросто осилил бы этот марш-бросок, не подвергая себя риску. Гулять по питерским улицам ночью и то опаснее. Однако Эйнари был не один.

«Константин, Костя, единственный сын, двенадцать лет. Справится? Справится, куда он денется, зря, что ли, первые места в школе занимал по лыжным гонкам. Я в его годы уже работал. А жена? Анна, Анна-Мария – она выросла здесь, среди лесов, озер, сопок, болот и ламбин. Расстояния ее никогда не пугали. Но сейчас не школьные соревнования и не поход за клюквой – здесь такие гонки, что запросто можно поплатиться жизнью», – тревожился глава семьи.

За себя Эйнари не очень боялся – смерть он видел много раз, но умирать не спешил, поэтому и решился на такой отчаянный шаг. Боялся за близких – имеет ли право подвергать их такому риску?

Может, остаться в поселке, а потом вернуться в Петрозаводск? Никто ничего не заподозрит, да ничего и не было. Только не верил Эйнари, что все обойдется, чувствовал, единственный выход спасти себя и семью – бежать.

Дрова в печке, береста на своих местах. Выпить чаю... Хлеб, масло и, конечно, шоколад. Как говорил в далеком двадцать втором году командир Тойво: «Налегайте на шоколад, возможно, больше его не попробуете».

В том походе сам Каменев вручил бойцам несколько ящиков с шоколадом.

Эйнари разбудил Анну и Костика.

– Готовьтесь! Пьем чай и идем...

– Чего так рано, папа? Сегодня же воскресенье, давай еще побудем.

– Сынок, нужно возвращаться в Реболы.

Эйнари Хейкконен вырвался в небольшой отпуск на родину жены, в северную карельскую деревню, якобы по семейным обстоятельствам.

Сначала они были в Реболах, потом отпралилась в Колвасозеро, где жил дядя Анны-Марии. Однако застать бойкого карела дома не получилось, он пропал где-то на рыбалке. На один день семья Хейкконена осталась в большом карельском доме. Обстоятельства способствовали намеченному.

Костик, естественно, ничего не знал. Жене Эйнари рассказал обо всем только когда они прибыли в Реболы. Отсюда до Финляндии было совсем близко.

Анна, дочь карела и финки, хотя и выросла в глухой, даже по меркам Карелии, деревне, была женщиной весьма неглупой и наблюдательной. Она и сама не раз задумывалась о будущем. Многие ее подруги остались без мужей, а кое-кто пропал... просто пропал. Ирма, финка, учительница из Петрозаводска, которая работала с Анной в одной школе, теперь арестована по подозрению в антисоветской деятельности. Тойво, двоюродный брат Анны, проживавший

в селе Лендеры, уже несколько месяцев сидит в тюрьме в Ленинграде. Хотя за что можно было арестовать простодушного Тойво? Какой из него «шпион»? Все что он мог сделать – рассказать, где растёт больше морошки, и показать места, где щука идет на нерест.

Многие друзья и сослуживцы Эйнари стали «врагами народа». Сначала казалось, что это просто недоразумения и ошибки. Однако «шпионов» становилось все больше и больше. Карелы, эстонцы, русские, украинцы то передавали секреты немцам, полякам, французам, то вредили по заданию англичан. Финнов-эмигрантов из США и Канады массово обвиняли в связях с американскими империалистами.

Судьба «американских» финнов незавидна. После гражданской междоусобицы в Финляндии они переехали в США. В двадцатые годы их пригласили в СССР «строить светлое будущее». Потом начались гонения и репрессии. Ирма и Ерхо как раз из таких. Они жили в небольшом городке в штате Мэн в своем маленьком домике. Ерхо был членом американской коммунистической партии. Продав все, семья пересекла океан и стала налаживать жизнь в Карелии. Теперь Ирма арестована, а Ерхо исчез. Может, его уже нет в живых. Молча ждать своей участи Анна и Эйнари не хотели.

Эйнари порой размышлял о темпераменте северных жителей. Принято считать, что финны – это уравновешенные и медлительные люди, им чужды сильные эмоциональные порывы. Но за внешним спокойствием северного характера скрывается упрямство и сильная любовь к воле. Могло ли быть по-другому у тех, кто вырос среди диких лесов и озер, кто близок к природе, природе очень суровой, природе, которая лишь несколько месяцев благосклонна к человеку, а все остальное время проверяет на прочность его характер. Упорство такое сродни работе силового двигателя на дизельном топливе, который долго заводится, а потом долго-долго тянет, несмотря на препятствия.

Карелы отличались от финнов – они были бойкими, иногда даже слишком эмоциональными. Эйнари вспомнил, как порой быстро говорили жители Ругозера, Ребол, Лендер, переходя с русского на карельский.

Советская власть или царские наместники? Народ северных районов одинаково равнодушно воспринимал и тех и других, внешне как бы подчиняясь, однако лишь до тех пор, пока чиновники не сильно мешали ему жить. Жители северного края любили простор и расстояния, леса и озера – казалось, они примут и НЭП, и коммунизм, и социализм. Куда больше, чем политика, их заботили приход весны, рыбная ловля, дождливое лето, нерест сига и щуки. Это был свой самобытный мир.

Анна, впитавшая в себя эту стихию и эту природу, не боялась трудностей и лишений, но вовсе не хотела фатально ждать своей участи где-нибудь в Петрозаводске или под Ленинградом. Эта женщина была готова рисковать и действовать, только бы не стигнуть и не пропасть в заключении. А Эйнари? Эйнари – финн, боровшийся за справедливость и равенство, романтик-идеалист, который, тем не менее, хотел жить без страха за свое будущее. Поэтому когда Эйнари рассказал Анне о тайных планах, они оба были готовы к тому, что настало время бороться за собственную судьбу.

Завтрак, быстрые сборы. В семь часов утра, едва рассвело, Эйнари, Анна и Костик тронулись в путь. В этот воскресный день в Колвасозеро еще все спали. Давно закончились белые ночи, отошли грибы и ягоды, росла только клюква на болотах. Сколько ее за свое детство насобирали Анна и Эйнари, не счесть.

За спиной у Анны был короб с ягодами. Эйнари набрал клюквы еще в субботу утром. Если наряд пограничников их задержит, то легенда простая – возвращались в Реболы, но решили набрать ягод. Ребенок крутанулся на болоте и потерялся. Стали искать, ходили долго,

пока собрались в кучу, заблудились. Правдоподобно? Вроде, да. А если что-то пойдет не так? Эйнари гнал прочь эти мысли, не зря он прошел отличную подготовку и общался в молодости с лучшими разведчиками Страны Советов.

Нож на поясе и револьвер, Эйнари оставил его себе еще со времен Гражданской, на всякий случай. Второй нож припрятан в голенище. Только бы не пришлось всем этим воспользоваться. Хотелось без крови. К тому же Хейкконен понимал, что пограничники тоже не робкого десятка, а с ребенком и женщиной «в обозе» не сильно и повоюешь.

Костик прервал размышления.

– Папа, но поселок ведь в другой стороне! Мы не туда идем.

– Эх, Костян, ты, брат, долго жил в городе, слишком долго, – беззаботно ответил Эйнари. – Разве не знаешь, что можно немного срезать, а по пути еще и ягод набрать? Анна, помнишь эти места?

– Как же не помнить, мне здесь каждая тропинка знакома.

Костик неуверенно посмотрел на мать.

– Ну, ладно, вам виднее.

Но что могло быть виднее родителям, Костик не очень понимал. Двигались на запад, а нужно – на восток. Мальчик был сообразительным, но послушно шел за родителями, не проронив больше ни слова.

Они вышли за поселок и свернули в лес. Эйнари бодро шагал впереди. Еще несколько дней назад он прошел окрестности, выбрал место, где можно идти по лесу, насмотрел ориентиры, поработал с картой и компасом. Через госграницу на одном западе не перейдешь. Просто ломануться в лес и идти на авось? Нет, сейчас не июнь и не белые ночи. Нужно действовать иначе. Поэтому идти они будут по маршруту, полагаясь на карту и компас. План был простой – двигаться на запад, потихоньку забирая к северу, в направлении Киекинкоски, а там уже в ближайший населенный пункт Кухмо, где Хейкконен намеревался идти в муниципалитет, в полицию, куда угодно, но обозначить себя первым.

Однако был и другой вариант – при встрече с финскими пограничниками, патрулями сдаваться первыми, не ждать, пока засекут. Логика нехитрая – в первом случае ты сдался добровольно, во втором – попался. Именно поэтому Эйнари и хотел во что бы то ни стало «ударить» первым. А вот если его задержат, то это вызовет массу подозрений. Мало ли перебежчиков – двойных агентов? Профессиональная гордость, собственное героическое прошлое, боевой опыт не позволяли принять мысль, что его могут задержать как рядового нарушителя границы. До финского Кухмо от Колвасозера, как прикидывал Эйнари, было где-то километров восемьдесят, однако их нужно преодолеть не по дороге, а по карельской тайге.

Недалеко послышалось какое-то движение. В лесу обычно тихо и слышен любой посторонний звук.

«Зверь! Вряд ли, только если лось. Люди?», – от этой мысли Эйнари стало не по себе...

Комбриг Смолин¹ проснулся с жуткой головной болью. Молоденький «нквдшник» не признавал прошлых заслуг. Смолин был для него антисоветчиком и британским шпионом, а раз не хотел сознаваться в преступлениях, вполне логично добиться признания силой. Сейчас бы водки и забыться, но забыться в камере уже не получится.

Начальник Военно-инженерной академии РККА был человеком волевым, но то, что творилось последние полтора года, не могло пройти бесследно даже для таких людей, как Смо-

¹ Смолин Иван Иванович, родился в 1891 г., комкор, участник Первой мировой и Гражданской войн, в РККА с 1918 г., в 1921 г. – начальник 11-й Петроградской дивизии, участвовавшей в зимней кампании 1921–1922 гг. в Карелии.

лин. Он уже многое успел пережить – мировая и Гражданская войны, контрреволюционные мятежи, служба на Кавказе. Однако терять своих товарищей и сослуживцев в мирное время, слышать, что, дескать, кто-то из них агент японской разведки, и быть бессильным что-либо сделать... в голове не укладывалось.

Смолин осознал, что рано или поздно наступит и его очередь. Чем он лучше других? К тому же бывший офицер царской армии, «военспец». Если Тухачевского расстреляли, то и с ним особо церемониться не будут. Месяц назад, в конце августа, обвинили в антитеррористической деятельности, а потом и расстреляли видного теоретика Константина Соколова-Страхова², между прочим, тоже царского офицера.

Иван Иванович знал Соколова-Страхова, пересекались на Карельском фронте в двадцать первом – двадцать втором году, вместе получали значки «Честному воину Карельского фронта», потом еще не раз встречались на курсах «Выстрел»³, в Военной академии имени Фрунзе, в штабе армии.

Не все любили бывших царских офицеров, особенно те, кто попал в Красную Армию через «политические учреждения» советской власти. Однако «военспецы», тем более те, кто успел повоевать еще в мировую, пользовались уважением и авторитетом среди бойцов и командиров РККА.

Гражданская война, ликвидация «белофинской авантюры», короткая война с Польшей – солидный боевой опыт. Но мировая... Тут иной масштаб. Противник – это не наспех сколоченные из юнкеров и крестьян отряды или «войско» польское, а немецкие и австрийские части, передовые европейские армии с тактикой и стратегией по всем канонам и правилам военной науки. Было чему поучиться у этих людей, особенно молодежи из Красной Армии. Но на холодном полу в московской тюрьме это не имело никакого значения.

Лязгнула дверь.

– Смолин, на выход!

С трудом поднявшись, Иван Иванович вышел из камеры.

– Пойдем, сегодня суд!

«Суд, допрос – какая уже разница, хотя на суде, наверное, бить не будут», – подумал Смолин.

Его провели в специальную комнату, где гражданский выдал полотенце, щетку и велел привести себя в «божеский» вид. Из Лефортовской тюрьмы Смолина должны были перевести под конвоем в здание Военной коллегии Верховного Суда, по Никольской улице, сейчас она называлась улицей 25 Октября.

Конвой? Хватило бы одного красноармейца. Смолина арестовали в середине мая, а сейчас двадцатое сентября. Избиения, скудное питание – какой из него беглец? Однако в НКВД знали, что среди военных, особенно среди тех, кто участвовал в Гражданской, много отчаянных товарищей.

Весной 1937 года по дороге в Москву была предпринята попытка арестовать комкора Примакова⁴. Но герой-кавалерист вспомнил былое червоноказацкое прошлое – долго разбираться не стал и с помощью личной охраны обратил «незадачливых» сотрудников в бегство. Бжишкянца Гая Дмитриевича⁵ пришлось арестовывать дважды. По пути в Ярославскую коло-

² Соколов-Страхов Константин Иванович, родился в 1896 г., комбриг, участник Первой мировой и Гражданской войн, в РККА с 1918 г., с декабря 1921 г. – помощник начальника оперативного управления штаба Карельского района, с февраля 1922 г. – командир финских отрядов в Карелии (командир партизанского лыжного полка).

³ Высшая стрелковая школа командного состава РККА, учреждена в 1918 году на базе Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы. На курсах занимались стрелковой подготовкой командиров РККА, испытанием новейших видов стрелковых вооружений, тактической боя.

⁴ Примаков Виталий Маркович, родился в 1897 г., участник революции, Гражданской войны, командир кавалерийской дивизии Червоного казачества, позднее – военный атташе СССР в Афганистане, Японии.

⁵ Гай (Бжишкянц) Гайк Дмитриевич, родился в 1887 г., участник революции, Гражданской войны на Кавказе, командир

нию комкор, выломав доски, выпрыгнул из вагона, сломал ногу, что не помешало ему скрываться от преследования. Сгубило командира то, что он сам связался с Ворошиловым, надеясь на справедливое решение и защиту. Однако связи не помогли.

В полдесятого утра должно было состояться заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР. Дело Смолина рассматривала «тройка», председательствовал Плавнек Леонард Янович⁶.

Они узнали друг друга. В начале тридцатых Смолин служил на Кавказе, командовал Кавказской армией, а Плавнек в то время был председателем военного трибунала Северо-Кавказского военного округа. Теперь вот измученный Смолин предстал перед судом. Не думал он, что один будет выносить приговор другому.

– Гражданин Смолин, признаете свое участие в антисоветской деятельности и сотрудничестве с иностранными разведками?

– Нет, не признаю, – тихо ответил командир.

– Есть свидетельские показания и улики, – сказал председатель.

– У вас в квартире нашли немецкие марки, пистолет системы «вальтер», – продолжил член «тройки».

– Это ваше? Откуда?

– Не мое, уже сто раз говорил.

– А чье?

– Значит, подкинули! На кой мне этот «вальтер», оружие у меня и свое есть.

– Свидетельские показания! Курсант Дьяконов пишет, что неоднократно слышал от вас антисоветские высказывания на лекциях в Военно-инженерной академии.

– В академии мои лекции посещали сотни курсантов. Один Дьяконов слышал? – едва усмехнувшись, спросил Смолин.

Плавнек колебался, хотя это был далеко не первый его обвинительный приговор. Смолина должны расстрелять. Следствие признательных показаний из него не выбило. Однако отсутствие показаний еще не говорит в пользу подсудимого. Да какой уже Смолин подсудимый, он обреченный: «Если не мы, то Ульрих разберется по-своему».

Надо было бы Смолина оправдать, но ему давно дали указание сверху. Очередная «вышка». Плавнек посмотрел на подсудимого – сотая доля секунды... Леонард отвел взгляд. Смотреть в глаза человеку, которого он должен был незаслуженно приговорить к смерти, человеку, с которым еще каких-то четыре года назад вместе ужинал в Кисловодске, было невыносимо.

«Или оправдать, а там будь что будет... Лечь в больницу, уехать по семейным обстоятельствам», – терзался сомнениями Леонард Янович, но ему не хотелось через время самому стоять перед «двойкой» или «тройкой», доказывая очевидные вещи.

Смолин вины своей не признавал, обвинения считал вымыслом. Собственно ничего особо ему предъявить и не смогли. Немецкий пистолет, бумаги, показания свидетелей, которых, может, никогда и не было – сплошной фарс, местами комичный, но речь шла о жизни, вернее, сейчас уже о смерти. «Суд» длился минут пятнадцать, но Ивану Ивановичу казалось, что несколько часов.

«Суд удаляется на совещание!» – этим закончилась вся дискуссия по уликам и свидетельствам.

Прошло минут двадцать. Плавнек почему-то тянул время. Приговор оглашали недолго.

РККА, начальник кафедры военного искусства в академии им. Жуковского.

⁶ Плавнек Леонард Янович, родился в 1893 г., латыш, корвоенирист, член ВКП(б) с 1918 г., в 1919–1921 гг. – председатель военного трибунала 6-й армии, 1-й Конной армии, в 1922–1935 гг. – председатель военного трибунала Северо-Кавказского военного округа, в 1935–1937 гг. – председатель военного трибунала Московского военного округа.

– ... За антисоветскую и контрреволюционную деятельность приговорить Смолина Ивана Ивановича к высшей мере наказания... Приговор привести в исполнение 20 сентября 1937 года...

Плавнек подписывал текст заранее известного приговора. Оправдывать подобных заключенных мог только товарищ Сталин. Списки осужденных к высшей мере, к заключению в лагерях составлены и утверждены заранее. Только вот подписать приговор должен был он, корво-енюрист, Плавнек Леонард Янович, а ни кто другой. И как человек закона он ясно представлял, что по совести и по праву за этот «приговор» отвечает лично, не меньше, а может и больше, чем товарищ Сталин.

Смолина увели. Жить ему оставалось меньше двух часов.

Молодой конвойный невзначай шепнул: «Это конец! Все!»

Иван Иванович остался в маленькой комнате в томительном ожидании. Он думал об отце, матери, семье. Несколько раз помолился, вспомнил товарищей, с которыми служил и воевал. В памяти всплыл эпизод, как этой зимой, в феврале, они случайно пересеклись в коридорах штаба РККА в Ленинграде с Эйнари Хейкконеном. Вспоминали Карельский фронт и товарищей. Речь зашла о репрессиях. И хотя делиться этим было не принято, да и очень опасно, Смолин почему-то верил, что Эйнари настоящий офицер и командир.

Тогда он сказал: «Процесс идет не туда, как бы нас не вышвырнули из армии к едрене фене».

На что Эйнари ответил: «Может, чего и похуже будет».

Через час Смолина вели по коридорам. Во внутреннем дворе суда маленький человек в кожаной кепке с неприятным взглядом зачитал смертный приговор. Для человека в кепке дело привычное – расстреливал он не первый раз, никаких мук совести. Партия сказала: «Надо!»

«Все эти вредители, антисоветчики, враги народа. Да без суда и следствия сразу к стенке! Еще возиться с ними», – рассуждал маленький человек.

В принципе, он был близок к истине – без суда и следствия...

– Лицом к стене! – приказал он Смолину, – я сказал, лицом к стене!

Но Иван Иванович, широко раскрыв глаза, не поворачивался к стенке. Он смотрел на палача. Маленький человек, подобно зверю, не смог выдержать этого взгляда.

– Ладно, как знаешь!

В понедельник 20 сентября 1937 года во дворе здания Военной коллегии Верховного Суда СССР был расстрелян Смолин Иван Иванович. Примерно в это время Эйнари Хейкконен вместе с женой и сыном, пробираясь сквозь леса и болота, пересекал государственную границу СССР и Финляндии.

Подписавшего приговор гражданина Плавнека арестовали через полтора месяца – 10 ноября 1937 года. Летом следующего года, 7 июня, по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР его признали виновным в соучастии в контрреволюционном военном заговоре и принадлежности к антисоветской латышской националистической организации, приговорив «к высшей мере социальной защиты» – расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день в Москве.

Эйнари заметно устал, не говоря о Костике и Анне. По подсчетам, они находились уже в Финляндии. Но государственная граница только на карте идет четкой красной линией – в лесах и сопках никакие линии не нарисованы.

Хорошо, что удалось избежать встречи с пограничным нарядом. Вторая Ребольская пограничная комендатура имела в своем составе несколько линейных и резервных застав, на

заставе – человек двадцать-тридцать личного состава. Протяженность границы колоссальная, поэтому Эйнари не понадобилось ни труда, ни везения, чтобы не столкнуться с пограничниками.

Однако карельские леса в конце сентября не располагали к таким вот «прогулкам». На вторые сутки хождений с компасом и картой семья наконец-то вышла к лесной дороге. Дорога рано или поздно должна была вывести их к какому-нибудь населенному пункту, да и идти по дороге, пусть даже по плохой, все-таки лучше, чем через лес. Еды оставалось немного.

Очередной привал. Костер, чай в котелке и шоколад. Жена и сын устало смотрели на главу семьи.

– Костик, за последние два дня ты слопал шоколада больше чем за два года. Не поход, а малина, – улыбнулся Эйнари.

– Да уж, малина, – тихо сказала Анна, – Эйнари, еще пару дней такого похода...

– Нужно потерпеть, осталось немного – и полный порядок.

Где этот порядок и когда он наступит, Эйнари еще не представлял. Как их встретит финская сторона? Не получится ли как в русской пословице: «Из огня да в полымя»? Но жребий брошен, свой Рубикон он перешел. Хотя незаконное пересечение государственной границы СССР вместе с семьей – это посильнее Рубикона будет.

Эйнари смущала не столько проблема идти пешком, сколько проблема идти в нужном направлении. Возможно, встретят кого-то из местных, расспросят дорогу. На случай, если кто-то полюбопытствует, что Эйнари тут делает с женщиной и ребенком, была заготовлена незатейливая легенда – сам он из области Северное Саво, из Терво, летом работал на ферме, сейчас работы нет. Вместе с другим батраком отправились на заработки в Киекинкоски, где, как говорил Матти, именно так звали вымышленного товарища, жили его родственники. Матти обещал работу, однако в пути куда-то пропал, заодно прихватил скудные сбережения Эйнари. Проснулись утром, а его нет. Попытались искать, но только потеряли время, вдобавок еще и заблудились. И вот Эйнари с женой и сыном хотят отправиться в Кухмо, найти себе какую-то работу или, на худой конец, вернуться домой. В любом случае Эйнари должен быть не местным, потому как в Финляндии, особенно в провинциях, все друг друга знали. Скажи, что из Кухмо, и тебя тотчас спросят, а знаешь ли ты Юхани Кекконена, сына Эльмари, Эльмари, который женат на дочке Вилхо Калио, племянника Керхонена. Поэтому заранее нужно избежать подобных вопросов.

Вскоре семью нагнала телега. Лошадью управлял крепкий мужчина с рыжей бородой и добродушным взглядом – типичный финский крестьянин.

– Terve⁷, – первым поздоровался мужчина.

– Я Суло, направляюсь в Кухмо, вам куда?

– Меня зовут Эйнари. Мы тоже в Кухмо. Подвезете?

– Отчего же не подвезти. Веселее будет дорога.

Только бы этот Суло не задавал много вопросов. Однако опасения были напрасны. Стоило Эйнари спросить о хозяйстве, коровах и урожае, как последовал неторопливый монолог крестьянина. Оставалось лишь заполнять паузы между речами Суло и кивать головой. На подъезде к Кухмо Эйнари уже знал о семье, родственниках и соседях крестьянина почти все. Впрочем, эта информация вряд ли имела ценность даже в пределах Киекинкоски, но Суло уж больно хотел поговорить.

После четырех часов неспешного хода путники прибыли в город. Попрошавшись с крестьянином на одной из улиц маленького Кухмо, Эйнари вместе с семьей отправился искать местную власть или каких-нибудь военных. Уже через полчаса они прибыли к штабу пограничной комендатуры.

⁷ Здравствуйте (фин.).

Лео Кюандер⁸ только что закончил разговор с начальником пограничной охраны Финляндии. Никаких эксцессов на границе, никаких русских шпионов – самое время выпить кофе солидному человеку в чине подполковника, командовавшему пограничной комендатурой в провинции Кайнуу⁹. Почти в это же время Эйнари вместе с женой и сыном подошел к воротам управления пограничной охраны.

Обратившись к дежурившим на КПП солдатам-пограничникам, Эйнари сказал, что ему нужно увидеть «главного» офицера. Далее, немного заикаясь, рассказал, что прибыл из Киев-кинкоски. Сегодня ранним утром он видел в лесу двух подозрительных типов, которые говорили на иностранном языке, скорее всего, на русском. Они прятали какие-то вещи, при них было оружие. Сильно напуганный, больше часа мужчина сидел в лесу, боясь пошевелиться, пока русские не ушли.

Пограничники с недоверием посмотрели на Эйнари, тем не менее один из них отправился в штаб. Через некоторое время к будке часового подбежал молодой лейтенант. Эйнари обратил внимание на начищенные до блеска латунные эмблемы, одна – офицерская, в виде льва, а вторая – эмблема погранвойск Финляндии, голова медведя с мечом: «Капиталисты, елки-палки, буржуазные знаки различия».

Лейтенант попросил Эйнари назвать себя, а потом спросил, уж не пил ли чего он сегодня или вчера. На сей раз Эйнари твердо сказал, что ему нужен начальник комендатуры, после чего отчетливо произнес два слова: «Разведка, НКВД».

Лейтенант велел семейству следовать за ним.

– Сейчас отведу тебя к нашему начальнику. Называть его нужно господин полковник, понятно? – небрежно сказал лейтенант.

Эйнари кивнул в ответ головой.

Лео Кюандер допивал кофе. Он уже разменял шестой десяток... Мировая, потом Гражданская в Финляндии, свыше десяти лет службы в Кайнуу начальником погранохраны. Сообщение о крестьянине, который видел русских, не вызвало у него особых эмоций: «Нужно еще посмотреть на этого крестьянина, может, за последнюю неделю он видел не только русских шпионов, но и что-то пострашнее».

Эйнари провели в кабинет.

«Богато», – отметил он про себя, увидев на стенах кабинета сабли и старинные ружья.

Кюандер поднялся, кивнул лейтенанту. Эйнари и Лео остались одни. Несколько мгновений они оценивали друг друга.

– Вы хотели что-то сказать насчет русских? Видели русских офицеров? – спросил Кюандер.

– Да, полковник, – Эйнари не смог сказать «господин».

– Уверены, что это были русские военные? Вы вообще имеете представление о Красной Армии?

– Так точно, – выпалил Эйнари.

«Это не простой крестьянин с финского хутора», – промелькнуло у Лео.

– С чего вы взяли? Может, это были наши пограничники. Знаете, как выглядят советские офицеры?

⁸ Лео Кюандер, родился в 1886 г., подполковник пограничной службы, участник Первой мировой войны в немецкой армии, был командиром пограничной комендатуры провинции (сектора) Кайнуу с 1927 г.

⁹ Кайнуу – область в восточной части Финляндии, где проходит граница с СССР.

– Полковник, – уверенно продолжил Эйнари, – в Красной Армии нет офицеров и солдат, есть командиры и бойцы.

– Интересно, интересно, откуда такие познания?

– Я и есть командир Красной Армии.

Кюандер слегка побледнел. Не успел он до конца осознать сказанное, как Эйнари вытянул из внутреннего кармана удостоверение – красную книжицу.

– Вот мои документы! Разрешите сдать оружие?!

– Оружие? Оно у вас есть? – Лео даже не пытался скрыть свою растерянность.

– Конечно, я вооружен, но сдаю все добровольно.

Эйнари вытащил из-за пазухи револьвер, патроны, достал складной нож. Когда это оказалось на столе, он слегка наклонился и вытянул из голенища сапога еще один нож.

– Я Эйнари Хейкконен, капитан Красной Армии, финн по рождению и национальности, добровольно сдаюсь властям Финляндии.

Лео предложил Эйнари стул, протянул сигареты. Эйнари закурил, несмотря на то что последний раз курил лет пять назад.

– Весьма необычно. Меня зовут Лео Кюандер, я командир пограничной охраны провинции Кайнуу. Пока будете находиться здесь, а дальше решим, что с вами делать. Почему бежали? Вы же не гражданский, а военный человек, и осознаете, что это предательство.

– Репрессии! Рано или поздно меня арестовали бы, потом жену или наоборот. Участь ребенка тоже была бы незавидной.

– Почему так думаете?

– Я не думаю, я знаю. Только за последние три месяца десять моих товарищей арестованы и объявлены «врагами народа». Говорю лишь о своих товарищах, а сколько еще тех, кого я просто знал.

– Финны?

– Финны, карелы, эстонцы, русские – национальность не имеет значения.

– В чем их обвиняют?

– Враг революции, агент иностранной разведки. В Карелии «разоблачили» нескольких японских шпионов.

– Японских?

– Японских империалистов, врагов Советского Союза.

Лео Кюандер предложил кофе.

– Там в коридоре моя жена и сын, мы уже несколько суток в пути, – сказал Эйнари, посмотрев на Лео.

– А-а-а, понимаю.

Кюандер распорядился насчет кофе и еды. Теперь семью сопровождал тот самый лейтенант. Для всех Эйнари был крестьянин с Киекинкоски. Как только он покинул кабинет начальника погранохраны, Лео связался с территориальным отделом военной разведки в Оулу.

Ларс Рафаэль Меландер¹⁰ буквально несколько дней назад стал начальником военной разведки Оборонительных сил Финляндии. Предыдущий глава разведки пробыл на посту всего три месяца, хотя служил в разведке с 1928 года.

В Генеральном штабе на Меландера возлагали надежды. Швед по происхождению, решительный и в то же время неторопливый, в молодости – активист различных объединений, боровшихся за независимость Финляндии, Меландер скептически относился к сотрудничеству

¹⁰ Ларс Рафаэль Меландер, родился в 1898 г., начальник военной разведки Финляндии с 20 сентября 1937 г. по 1942 г.

с СССР, считая, что в первую очередь необходимо укреплять связи с Германией, а Советский Союз – наоборот, единственный вероятный противник Финляндии.

«Нужно собрать как можно больше информации о Советской России. Неплохо было бы занять новых информаторов в Москве, Ленинграде и Карелии, возможно, удастся завербовать кого-то из партийного аппарата, Министерства иностранных дел. Хотя, учитывая накал репрессий в Советском Союзе, вряд ли что-то будет новенькое», – рассуждал Меландер.

В дверь постучали, вошел капитан Лейно и доложил, что поступило сообщение из территориального отдела разведки в Оулу – у пограничников в Кайнуу находится русский офицер.

«Неожиданно, но весьма кстати», – подумал Меландер.

– Они схватили диверсанта, шпиона?

– Нет, господин полковник, русский добрался до пограничной части в Кухмо и добровольно сдался, причем сдался лично командиру погранкомендатуры – явился в управление под видом крестьянина, который якобы видел русских шпионов недалеко от границы.

– Это все? Есть еще подробности?

– С ним жена и ребенок, мальчик лет двенадцати.

– Н-да, на диверсанта не похоже.

– Будут какие-то распоряжения?

– Сейчас нет, будьте через полчаса.

Ларс задумался. Если никто, кроме начальника погрануправления Кюандера, сотрудников военной разведки, причем только отдела в Оулу, и Лейно, не знает о русском офицере, то эта информация и само существование русского офицера должны оставаться в тайне. Будут знать в Генштабе, значит, и в отделе надзора, потом в Министерстве иностранных дел и, само собой, в Центральной сыскной полиции – слишком длинная цепочка.

Сейчас нужно понять, что это за русский. Не двойной ли агент? В таком щекотливом деле лишние глаза, уши и языки могли сильно навредить как общему делу, так и лично Меландеру.

Ларс разнервничался: «Прежде всего нужно, чтобы русского доставили сюда, в Хельсинки, и как можно скорее. Все делать оперативно, а оперативно, значит, скрытно».

И хотя, как рассуждал Меландер, в одной деревне и вороны заодно, пересекаться в таком деле с Центральной сыскной полицией ему не хотелось.

Между двумя ведомствами существовала конкуренция, иногда переходившая в борьбу. Центральная сыскная полиция подчинялась Министерству внутренних дел Финляндии, хотя занималась в том числе внешней разведкой и контрразведкой. В Генеральном штабе Оборонительных сил Финляндии многие полагали, что полиция лезет не в свое дело. Поэтому никого не удивляло, что военная разведка недолюбливала ЦСП, а она отвечала тем же.

С 1923 года ЦСП бессменно руководил Эско Риекки¹¹.

«Как бы старый лис чего не пронюхал, он ведь сам из Оулу, да и привычка всюду совать свой нос никуда не делась. Как говорится, ежа не остругать», – размышлял Меландер.

Эско Риекки тоже был активистом и боролся за независимость Финляндии. Еще юношей он участвовал в егерском движении, собирал разведданные против Российской империи, за что угодил за решетку еще до революции 1917 года, успел завести много знакомств в Петроградской тюрьме и даже, как говорили, начал создавать там агентурную сеть.

Уже будучи начальником ЦСП, Эско хотел взять под контроль тайный сыск по всей стране. Разоблачение шпионов, вербовка агентов, секретные операции стали для него не столько профессиональным, сколько очень личным делом. Все это было хорошо известно Ларсу Меландеру.

¹¹ Эско Риекки, родился в 1891 г., активист, в 1916–1917 гг. содержался в Шпалерной тюрьме в Санкт-Петербурге, в 1917–1918 гг. – сотрудник финского посольства в Швеции, в 1923–1938 гг. – начальник Центральной сыскной полиции Финляндии (ВАЛПО).

«Но увольте, русский офицер – для военной разведки, ЦСП пусть ловит гражданских шпионов», – с такими мыслями Меландер приступил к скрытному и секретному мероприятию.

Ларс вызвал к себе Илмари Рантанена, который возглавлял курсы подготовки агентуры и диверсантов. Задача для Илмари стояла не самая сложная – оправиться в Кухмо, забрать «русского гостя» с женой и ребенком, доставить их целыми и невредимыми в Хельсинки. Приступить Илмари следовало немедленно. От Хельсинки до Кухмо почти шестьсот километров.

Вилье с интересом слушал брата. Эрик был старше на три года. Он приехал в родной Кухмо из Хельсинки, где работал уже несколько лет. Эрик всегда хотел жить в большом городе – и как только представилась возможность уехать из Кухмо, с радостью ею воспользовался.

Большие магазины, рестораны, кино, девушки – Вилье, раскрыв рот, представлял столичную жизнь. Ему казалась, что Эрик теперь вообще с другой планеты.

– Не представляю, как вы живете. Здесь же совсем скучно.

– Есть такое дело, – сказал Вилье, отхлебнув пива. – У нас тут больше лесной край. Но ты сам ведь отсюда.

– Я-то уехал, Вилье! Смотри, как бы тебе здесь не застрять.

– Эрик, я здесь родился, да и ты тоже. Это, конечно, не Хельсинки, но живут же люди.

– Живут люди везде, да только что они тут видят. Лес и озера? Как я уезжал, так они и стоят. И еще лет сто простоят. Финляндия – окраина Европы, а Кайнуу – окраина Финляндии. Где-то в мире идут войны, революции, снимают фильмы, зарабатывают состояния. Но здесь... здесь глухомань, – Эрик демонстративно махнул рукой.

– Э, не скажи! Парни говорят, что на днях задержали какого-то русского.

– Ого! Ты тоже задерживал или просто стоял рядом?

– Я... я нет, – растерялся Вилье, – это так говорят.

– Хочешь, тоже что-нибудь расскажу, и ты сможешь развлечь здешнюю публику на несколько вечеров?

– Нет, правду говорю. Это в мою смену было, – Вилье немного замялся, – пришел какой-то зачуханный крестьянин и сказал, что видел в лесу русских диверсантов.

– Вилье, а много ли он перед этим выпил? – рассмеялся Эрик.

– Выпил он, может, и много, – Вилье рассердился, – да только крестьянин этот остался при штабе. Через пару дней заявили, что в нашем секторе обнаружили диверсантов, и одного из них удалось задержать. Все остальное – военная тайна. Через день прибыли военные на дорогом черном «Опеле», видать, из столицы.

– Интересно, – Эрик немного сменил тон, – а что еще говорят ваши офицеры?

– Велели молчать, только и сказали, что один из русских диверсантов задержан специальной группой разведки. Крестьянин тот не из местных – его, наверное, увезли куда-нибудь от греха подальше. Тебе я рассказал, потому что ты мой брат...

– Считаю, что я уже забыл, – ответил Эрик, хотя про себя подумал, что история довольно любопытная.

Эрик был таксистом, а у таксистов всегда много друзей, особенно подруг. Одна из его приятельниц работала журналисткой. Парню уж очень хотелось произвести на нее впечатление: «Расскажу Лие, как мой брат задержал русского шпиона. Попутно надо будет ее куда-нибудь пригласить. Может, это и не очень справедливо по отношению к Вилье. Ну так он ничего толком не рассказал... или вообще все выдумал».

Хейкконена доставили в Хельсинки, к Ларсу Меландеру Эйнари явился в сопровождении офицеров.

Ларс поздоровался, но не представился. С явным любопытством он смотрел на военного из Советского Союза.

– Можете быть свободны, – сказал Меландер Илмари.

Капитан Лейно остался в кабинете.

– Назовите ваше имя, воинское звание, часть, – Ларс обратился к перебежчику.

– Эйнари Хейкконен, капитан Красной Армии, командир разведроты 151-го полка 18-й Ярославской Краснознаменной стрелковой дивизии.

– Прошу садиться, – Ларс показал на стул.

– Я полковник Ларс Рафаэль Меландер, начальник Управления военной разведки. С сегодняшнего дня ваша судьба будет зависеть от нашего сотрудничества. Я и капитан Лейно будем задавать вопросы, постарайтесь на них ответить.

Меландер чувствовал себя хозяином положения, однако Эйнари тоже не походил на загнанного зверя.

– Ваши документы, где они?

– Документы, оружие и награды у меня, господин полковник, – капитан Лейно вытащил из портфеля небольшую папку.

– Любопытно, – произнес Меландер себе под нос. – Это все?

– Нет, еще наградные часы, – перебил Эйнари, – разрешите мне оставить их у себя?

– Нет, пока нет, отдайте часы капитану, они советские. Кстати, а за что вы их получили?

– Борьба с «белофиннами» в Карелии в двадцать втором году.

«Борьба с «белофиннами» в Карелии в двадцать втором году, – Ларс задумался. – Вряд ли во всей Финляндии сыщется полк, где не служил бы «белофинн» – участник того похода в Карелию. Это обстоятельство не в пользу русского перебежчика, далеко не пользу».

– Как и почему вы оказались в СССР? Вы ведь родились и жили в Финляндии, верно?

– Да, я уроженец Терво, родился 17 октября 1900 года. Мой отец – обычный строитель, мать домохозяйка, еще есть младшая сестра. Подростком я помогал отцу, подростком начал работать самостоятельно. Гражданская война застала меня в Куопио, где трудился на железнодорожной станции. Среди моих товарищей были коммунисты. В начале 1918 года вступил в Красную гвардию.

– А сестра и родители?

– Мне ничего об этом неизвестно, началась Гражданская война и...

– Как долго воевали на стороне красных, где конкретно? – резко спросил капитан Лейно. Эйнари откашлялся.

– Воевал – громко сказано. Тон задавали бойцы-коммунисты и русские солдаты, отчаянные ребята, участники мировой войны в Европе. А у меня была старая винтовка Бердана и десять патронов... Охранял вагоны, в перерывах между нарядами становился рабочим на станции.

– Вы коммунист? Почему за красных? – поинтересовался Ларс.

– Нет, я не коммунист, но их идеи... – Эйнари задумался, – мне это близко. Да и помимо идей меня, как и многих жителей Финляндии, особенно тех, кто не из толстосумов, интересовал вопрос дальнейшего выживания. Когда видишь, как люди изо дня в день гнут спину ради куска хлеба, лозунги Маркса выглядят вполне привлекательно.

– Только что-то я не помню, чтобы в Советской России было хорошо с продовольствием. А вот как осенью двадцать первого года мы принимали беженцев из вашей Карельской тру-

довой коммуны, – Ларс скорчил гримасу, – бежавших от «военного коммунизма» и прочих «благ», я запомнил на всю жизнь.

– Тогда шла Гражданская война – вокруг разруха. Вместо того чтобы помочь Советской России, так называемые цивилизованные страны отправляли нам караваны с оружием для всяких проходимцев. В итоге союзники и командование белогвардейцев вместе уплыли на пароходах в Нью-Йорк, Марсель, Бразилию, а народ остался на пепелище. Разве не так?

– Хорошо, оставим этот вопрос, – Меландеру не нравилось, что Эйнари гнет свою линию. – Как вы попали в Советскую Россию?

– Как и все остальные красные финны. После сражения в Тампере я оказался в Виипури¹². Красная гвардия терпела поражение, когда бороться стало бесполезно, мы на пароходах прибыли в Петроград.

– Не всем удалось занять свое место на корабле, кто-то остался на пепелище, – язвительно заметил капитан Лейно.

– Почему вы решили уйти? Чужая страна... тем более, с ваших слов, в боях вы не участвовали, – Меландер был более сдержан.

– Остаться? – удивленно воскликнул Эйнари. – Нет, тогда не думал. Мир делился на черное и белое, вернее, на красное и белое. Да и зачем оставаться. Чтобы расстреляли как тех раненых в больнице в Хармойнен, пленных в Виипури, в Лахти или в Варкаусе?!

Ларс покраснел. Расстрел красногвардейцев в Варкаусе, известный как «лотерея в Хуруслахти», когда за день на берегу реки расстреляли каждого десятого пленного красногвардейца, уничтожив почти сто человек, не делал чести ни отрядам самообороны, ни правительству. Кровавые расправы над противниками, как бы это цинично не звучало, – естественное дело в ходе Гражданской войны. Однако в маленькой Финляндии, уединенном лесном крае, массовые казни соплеменников выглядели особенно жестоко.

– Насколько известно, красногвардейцы тоже не церемонились. Вы это не хуже меня знаете, – возразил Ларс.

– Но пачками людей не укладывали, – казалось, Эйнари подзабыл, где находится.

– Зато в Советской России коммунисты наверстали упущенное, – парировал Лейно.

– Это были не финские коммунисты...

– Какая разница!

Эйнари уже понял, что начальник Управления военной разведки – типичный представитель буржуазного мира, который не видит в коммунистической идеологии ничего хорошего. Впрочем, Эйнари и не рассчитывал, что его примут с распростертыми объятиями в когда-то родной Финляндии.

Меландер распорядился подать кофе. Разговор продолжался...

Хейкконен не представлял, что с ним будет дальше, и чем закончатся все эти беседы. Конечно, это не НКВД, и пока жизни Эйнари ничего не угрожало, но останется ли он на свободе? Куда клонит начальник разведки – завербовать-перевербовать, заслать обратно в Советский Союз? Что у него там на уме? А ведь Эйнари здесь вместе с семьей.

«Зачем мне это надо было? Убежал – теперь предатель Родины. Ради чего? Чтобы сейчас стать шпиком, агентом, игрушкой в руках финской разведки. Хотя еще рано делать выводы. Вон Маннергейм вообще был генералом русской армии, а ничего... уважаемый человек. Но я не Маннергейм, я – красный финн, бежал в Петроград, участвовал в походе Антикайнена¹³, убивал шюцкоровцев... командир Красной Армии, перебежчик. Запросто могут посадить в

¹² Виипури (совр. Выборг). Красногвардейцы эвакуировались на кораблях из окруженного Виипури в конце апреля 1918 г. После взятия Виипури «белофиннами», 29 апреля 1918 г., произошла массовая казнь красногвардейцев, финнов и русских.

¹³ Тойво Антикайнен, финн-революционер, герой Гражданской войны, командир РККА, арестован в Финляндии в 1934 г., во время подпольной деятельности, после длительного судебного процесса приговорен в мае 1937 г. к пожизненному заключению.

тюрьму. Но жена и сын будут в безопасности, здесь они как-то смогут устроить свою жизнь. Анна-Мария наполовину финка, знает язык, Костик тоже говорит немного по-фински. Будут жить себе где-нибудь в пригороде Хельсинки, а меня долго в тюрьме не продержат, наверное», – старался успокоить себя Эйнари.

Из автомобиля вышли три человека. Несколько офицеров, рабочие и солдаты переключили внимание на важных персон. Самый высокий и пожилой громко поздоровался.

– Да это же фельдмаршал! – сказал кто-то.

Офицеры-инженеры даже растерялись. Что делать? Построиться и доложить фельдмаршалу? Но как строить десяток солдат и столько же рабочих в перепачканной одежде?

Фельдмаршала нисколько не интересовали начищенные до блеска сапоги и застегнутые пуговицы. Уж чего-чего, а этого военного лоска он насмотрелся еще в Петербурге, будучи кавалеристом в царской армии. Маннергейм, несколько месяцев назад прибывший из Индии, был озабочен строительством укреплений на границе с СССР. Линия мощных оборонительных сооружений от Финского залива и до Ладожского озера, по замыслу авторов, должна надежно защитить Финляндию от вторжения с востока. Сотни километров колючей проволоки, бетонные доты, блиндажи, дзоты, заградительные ежи – здесь постоянно что-то надстраивали, достраивали, раскапывали.

Троица отправилась осматривать укрепления.

– Судя по всему, в Хельсинки появились лишние деньги. Смотрите, сколько работы уже сделано, – заметил один из офицеров.

– Только этого мало. Атаку пехоты и малой артиллерии линия выдержит. Но, господа, кто-нибудь из вас видел, что делает 280-миллиметровая гаубица Шнейдера с подобными укреплениями, если не жалеть снарядов?

Молодые офицеры переглянулись.

– Хочу напомнить, что 280 миллиметров – это далеко не предел. В свое время французы обстреливали немцев из 520-миллиметровой гаубицы Шнейдера. С тех пор прошло двадцать лет. Не вижу никаких причин, чтобы русские не смогли сделать подобные орудия... или даже помощнее.

– Господин фельдмаршал, полагаете, нам придется воевать с русскими? Советский Союз, да и Красная Армия больше чем население Финляндии вместе с женщинами и детьми. В России столько территорий, что там запросто может разместиться две-три Финляндии, и вряд ли станет теснее.

– К тому же подписан договор о взаимопомощи. Союзники нас не бросят.

Маннергейм посмотрел на восток.

– Союзники? У союзников могут быть иные планы. Как говорят русские, «своя рубашка ближе к телу». В этом я мог лично убедиться в ходе мировой.

– Господин фельдмаршал, вы все-таки считаете, что придется воевать с Россией?

– Нет, я считаю, что нужно договариваться с Советами до последнего.

– Армия Финляндии далеко не самая слабая, а финны могут быть хорошими солдатами, – сказал один из офицеров, глядя снизу вверх на фельдмаршала.

– Господа, вы еще молоды – знакомы только с Гражданской войной в нашей стране. Я видел другие... большие войны. Прекрасно помню, как немцы во время наступления сметали целые деревни тяжелой артиллерией, а австрийцы, например, на прорывах теряли за неделю боев тысячи солдат. Да, мы можем противостоять врагу, но это значит, что десятки тысяч жизней финнов станут расходным материалом. Что в итоге? Как бы ни сложилось, большой войны с Советами или с любой другой крупной державой мы в одиночку не вытянем. Дело ведь

не только в том, кто храбрее и умнее. Война подразумевает потери, ошибки, неудачи с обеих сторон, но ресурсы, промышленность, численность населения не сопоставимы. Вы только что об этом сами сказали.

– Господин фельдмаршал, а как насчет союзников все-таки?

– Наши союзники – армия и флот. Так, кажется, говорят британцы. А кто наши союзники? Немцы или, может, французы с англичанами? Парламент еще сам не определился. Повторюсь, – продолжил фельдмаршал, – в случае военной угрозы нужно искать компромисс с русскими во что бы то ни стало. Но превращать нашу Финляндию в поле битвы между коммунистами и западными державами... Достаточно вспомнить, что было с польскими городами, когда русские воевали с австрийцами. На западном фронте картина разрушенных городов вырисовывалась куда страшнее.

– Однако линия укреплений должна быть.

– В парламенте и правительстве мне обещали поддержку и дополнительные средства на оборону.

– В Европе, в Испании уже идут бои. Войны не избежать?

– Не могу сказать. Когда я служил в царской армии, мы воевали с японцами. Сейчас вряд ли кто-то сможет объяснить, почему началась эта война. Хотя известно, что некоторые военные и чиновники буквально озолотились. Тогда говорили, что с японцами можно решить вопрос полюбовно, но война зачем-то «понадобилась» русскому императорскому двору. Российская империя обошлась малой кровью. Потом – мировая война. До сих пор не понимаю, что мы защищали в сугубо европейских делах... Поддерживали союзников, спасали положение на западном фронте, теряя сотни тысяч солдат и офицеров? – Маннергейм словно задал вопрос самому себе.

– Считаете, что в мировую воевали напрасно, господин фельдмаршал?

– Австро-Венгрия и Германская империя воевали против Франции, Англии, Российской империи и США. Каков результат? Три империи исчезли с политической карты. А солдатам воюющих армий в какой-то момент стало безразлично, кто победит или проиграет... Лишь бы поскорее закончилась бойня.

– Но в результате падения империи Финляндия стала независимой, – заметил один из офицеров.

– Поверьте, так случилось не потому, что русская армия проигрывала войну. Без революции и Гражданской войны в России, здесь, на линии Энкеля, было бы несколько крестьянских хуторов и отличные охотничьи угодья.

– Выходит, большевики дали нам свободу? Не будь большой войны, а за ней революции, Финляндия так и осталась бы одной из провинций великой России.

– Тогда большевики мечтали о мировой революции и всеобщем равенстве. Возможно, красные рассчитывали, что коммунисты в Финляндии победят, и будет общее социалистическое... или какое там у них государство!

– Как бы они не захотели вернуть финнов обратно... силой.

– Но ведь с Советами заключен мирный договор на десять лет. Да и сдались им четыре миллиона упрямых финнов, с их лесами и болотами, – возразил самый младший.

Взоры офицеров вновь обратились к фельдмаршалу.

– Господа офицеры, наш долг – защищать страну. Что бы ни случилось, мы должны быть готовы постоять за свою нацию, – сказал Маннергейм и хромающей походкой пошел осматривать укрепления дальше.

Ларс Меландер был не очень озабочен идеологическими разногласиями с новоявленным перебежчиком. Эйнари взял с собой в побег жену и сына. Если мужчину можно разместить на базе разведчиков, то с женщиной и ребенком сложнее.

«Надо побеседовать с ними, может, что-то новое расскажут», – Ларс прекрасно понимал, что необходимо установить контакт и создать доверительные отношения – люди находятся в чужой стране нелегально, причем это ни какие-нибудь контрабандисты, это семья русского офицера.

Меландер спускался по лестнице. В коридоре он увидел Виру Мякеля, женщину лет сорока. Вира работала в техническом отделе.

«Пусть поговорит с женой русского офицера», – решение пришло неожиданно.

Меландер был уверен, Вира умеет держать язык за зубами.

Женщина разливала кофе, когда привели Анну-Марию. Она жестом указала на уютные креслица вокруг столика. Сама комнатка напоминала холл небольшой гостиницы и вовсе не ассоциировалась с казематами военной разведки, на что и было рассчитано.

– Вы говорите по-фински? – спросила Вира.

– Говорю, – ответила Анна.

– А ваш сын?

– Не очень хорошо, но в школе финский учил.

– Меня зовут Вира. Расскажите о себе, о муже и ребенке, вы финка?

– Да. Мое имя Анна-Мария Хейкконен. Мать – финка, а отец – карел. Родилась я в Реболах, это на севере Карелии.

– Сколько вам лет, Анна?

– Я родилась в тысяча девятьсот первом году, а мой сын в двадцать пятом.

– Это ребенок Эйнари? – вкрадчиво, заглянув в глаза, спросила Вира.

– Чей же еще? Наш с Эйнари, – с достоинством ответила Анна-Мария.

– Как вы познакомились?

– Эйнари – военный. В двадцать втором году его отряд прибыл в Реболы, – Анна-Мария сделала паузу, еще в самом начале побега Эйнари сказал жене отвечать на все вопросы финской стороны и ничего не утаивать, дабы в них не заподозрили шпионов. – Красноармейцы-финны несколько дней жили у моих родственников, дом у них был немаленький, а хозяев только двое.

Знакомство Анны и Эйнари произошло почти пятнадцать лет назад. Анна-Мария прекрасно помнила это время. Жителям севера ко всем трудностям, к голоду, вызванному продразверсткой и гужевой повинностью, помимо прочего добавилась борьба коммунистов и «белофиннов» зимой 1921–1922 года.

Сначала в поселке появились «белофинны», шюцкоровцы, потом красноармейцы, русские ребята. Финны – на лыжах, неплохо одеты и довольно сыты. Красноармейцы – без лыж, многие получили обморожения, среди них были те, кто впервые оказался на севере. Местные жители никак не могли взять в толк, каким образом они собираются преследовать и уничтожать финнов в этих заснеженных лесах. Когда красноармейцы отправились ловить «белофиннов», те сами пришли в лесной поселок. Красноармейцев почему-то долго не было, финские солдаты их так и не дождались, ушли.

Карелы могли сравнить подобный калейдоскоп с кинофильмом. После небольшого затишья, в феврале 1922 года, в поселок снова пришли красноармейцы, но уже какие-то другие: хорошо одетые, все на лыжах, уверенные в себе парни лет двадцати – двадцати пяти. Заснеженные сопки, леса, сильные морозы, вся эта тайга и глушь не вызывали у них ни страха, ни паники. А еще они говорили по-фински.

Анна-Мария, впрочем, как и все жители деревни, с интересом наблюдала за новыми людьми, тем более когда эти люди – молодые военные. Отряд из лыжников оставался в деревне несколько дней. Командир отряда распределил военных на постой, назначив несколько дворов, где готовили пищу для красноармейцев. Из еды – преимущественно рыба, хлеба не хватало даже в центральных регионах России.

В один из февральских дней Эйнари Хейкконен беседовал со стариком Тойво, у которого квартировались несколько бойцов-лыжников. Разговоры шли о боях и об оружии.

– Что это у тебя, не пойму? Вроде не маузер, да и для винтовки коротковато, – любопытствовал Тойво.

– Это автоматическая винтовка Федорова – недавнее изобретение наших оружейников. Весу всего ничего, а стреляет – будь здоров. Это тебе не «трехлинейка». Двадцать пять патронов в магазине, считай, как карманный пулемет. С таким оружием шюцкоровцев быстро выгоним из лесов, – гордо заявил Эйнари.

Он лукавил – автомат Федорова появился еще до революции. К тому же этих автоматов-винтовок было совсем немного даже в специальном отряде лыжников, не говоря уже обо всей Красной Армии.

– Н-да, дела! Но и у финнов тоже есть подобные автоматы, получше ваших.

Эйнари собрался вступить в дискуссию, однако в этот момент в дом вошла девушка. Красноармеец поздоровался первым. Их взгляды встретились. Старик Тойво быстро сообразил, что тема винтовок уже неактуальна.

Между Анной и Эйнари завязался разговор, благо финны и карелы на севере говорили на одном языке. Парень больше слушал, к тому же рассказать он мог далеко не все, о чем спрашивала девушка.

Потом Эйнари проводил Анну по заснеженным тропинкам до дома – морозы и короткий день на севере не располагали к долгим романтическим прогулкам. Когда они пришли, Эйнари протянул маленький сверток.

– Что это?

– Это шоколад, он сладкий, бери.

Взгляд у Эйнари был такой искренний и дружелюбный. Что-то знакомое промелькнуло в этих глазах. Уже почти засыпая, Анна рассмеялась – такой же взгляд у собаки Тули, финской лайки... добрый и простецкий.

«У него, небось, никого нет», – очень серьезно оценивала ситуацию Анна.

Отряд лыжников Тойво Антикайнена, как впоследствии узнали жители поселка, пробыл в Реболах трое суток, после чего отправился на Кимасозеро. Перед тем как уйти, Эйнари зашел попрощаться с Анной. Времени было мало. Им хотелось сказать друг другу многое, но короткое знакомство, северный характер и воспитание сдерживали чувства. К тому же Эйнари отдавал себе отчет, что он не турист-путешественник – уже несколько человек из отряда навсегда остались в карельских лесах.

– Я вернусь, Анна, – сказал Эйнари и обнял девушку.

– Ваш муж военный? – Вира продолжала «допрос».

– Да он служит... – Анна запнулась, – служил в Красной Армии.

– Офицер?

– Нет!

– Как так? Не поняла. Мне сообщили, что он не простой солдат.

– Верно, только офицеры были в старой армии. У нас, то есть в Красной Армии, сейчас бойцы и командиры. Так вот, Эйнари мой – командир, капитан, – Анна сделала ударение на слове «мой».

– Сын родился, вы сказали...

– В июне двадцать пятого года, а замуж я вышла зимой двадцать третьего года, – как бы опережая вопрос Виры, сказала Анна.

– Вы все время жили в Карелии?

– Почти два года мы прожили в Ленинграде, когда Эйнари перевели по службе.

– О, Петербург, – улыбнулась Вира, – почему уехали?

– Нам не понравилось! Слишком большой город для тех, кто вырос в карельских деревнях. Эйнари попросился назад в Петрозаводск, и ему не отказали.

Вскоре Анна и Вира уже свободно общались. Вира не стремилась «вытащить» из Анны как можно больше информации, гораздо важнее было установить доверительный контакт. Вира рассказала Анне о детстве в Оулу, учебе в Хельсинки, об отношениях и карьере. Незаметно такой вот «допрос» превратился в разговор о жизни – по обе стороны границы, в противоположных мирах социализма и капитализма, человеческие чувства, разочарование, любовь развивались по одним и тем же спиральям.

Ларс вышел во двор. Офицер охраны и автомобиль уже ждали. Куда деть «пленников»? Следовало передать беглецов полиции, но у Меландера были свои планы. Оставлять их в Управлении? Это могло вызвать дополнительные трудности.

Ларс задумался. В управлении медицинской службы Оборонительных сил Финляндии работал Рикко, приятель Ларса, тоже «активист». Знакомы они были еще со времен борьбы за независимость. На несколько недель Эйнари и его семью нужно припрятать в военном госпитале, приставить к ним двух человек в качестве охраны и наблюдения.

Рикко был рад видеть старого товарища, однако посетовал на то, что встречи их очень редкие, а иной раз так охота посидеть со старым товарищем, выпить пива и, как водится, вспомнить молодость и обсудить новости. Просьба Ларса насторожила Рикко, однако Меландер сказал, что у беглецов будут все соответствующие документы.

Рикко в конце концов сдался, взяв с Ларса слово, что тот непременно организует дружеские посиделки в сауне. Меландер с удовольствием согласился – он, как и большинство жителей Финляндии, любил париться, поэтому очень обрадовался, что получил такой вот «законный» повод для лишнего похода в сауну.

Эйнари, Анну-Марию и Костика разместили в палатах военного госпиталя. Им разрешалось только скупно отвечать на вопросы персонала и запрещалось без ведома сотрудников разведки покидать свой корпус. Семью навещали капитан Лейно и Вира Мякеля. Так прошла неделя.

«Осень в Мадриде более благосклонна к человеку, нежели на севере», – думал Аксель Анттила¹⁴, перепрыгивая через лужи на улицах Петрозаводска.

Он вспоминал, как год назад ласково светило испанское солнце. Тогда в номере отеля «Кайлорд» оживленно обсуждали оборону Мадрида от фашистских войск. На маленьком столике стояла нехитрая еда, а по кружкам была разлита крепкая мадера.

¹⁴ Анттила Аксель Моисеевич, финн, родился в 1897 г., в Красной Армии с 1920 г., участник похода Тойво Антикайнена, советский военачальник, участник войны в Испании.

Один из мужчин, известный «республиканцам» как коронель Токко¹⁵, буквально требовал от собеседников признать значение артиллерийских батарей. Двое других уже соглашались с коронелем. Комбриг Павлов в этот день чудом остался жив после авиационного налета, и ему нравилось все, а Аксель Анттила слишком хорошо знал упорство финна Эмиля Тойкка, чтобы сейчас вступать с ним в дискуссию.

– Думаете, отстоим Мадрид? Силенок хватит? – поставил вопрос ребром Аксель.

– Полагаю, что хватит. Но сами видите, среди фашистов не только испанцы. Муссолини прислал войска на помощь Франко, немецкое оружие бесперебойно идет диктатору, фашисты активно помогают друг другу. По нашу линию фронта – испанцы и коммунистический интернационал, вольнодумцы со всего мира. Людей бы еще, бойцов дисциплинированных.

– Вы забыли анархистов, – подхватил Павлов.

– У Франко и Муссолини регулярные войска. Анархисты отличились в уличных боях с полицией, но когда против нас танки, пехота, артиллерия, авиация, анархисты порой вносят неразбериху.

– Три дивизии Красной Армии, – серьезно сказал Аксель, – разметали бы «макаронников» в считанные недели.

– Европейские государства, свободные страны, в первую очередь Англия и Франция, могли бы помочь тем, кто сейчас сражается против диктаторских режимов.

– С этим не поспоришь, только вот дивизий Красной Армии нет. Пока европейские демократы думают, бороться им за свободу в Испании или наблюдать со стороны, еще одним фашистским режимом становится больше.

– Пожалуй, пойду, – сказал Павлов, – завтра приезжает Малино – у нас много работы.

– Малино, ты смотри, – рассмеялся Аксель, – а если бы приехал, к примеру, Георгий Жуков. Как бы его называли? Жужо! А Малиновский – толковый товарищ, очень сейчас нужен.

– Н-да, только товарищей здесь становится меньше, на прошлой неделе во время артонала погибли двое наших «советников». Кстати, о наших! Аксель, кого видел, что слышал? – спросил Эмиль Тойкка.

Аксель разлил мадеру и протянул кружку Эмилю. Потом неожиданно перешел на финский, ведь и у стен могли быть уши.

– Сутилайнена Тойво¹⁶ помнишь?

– Мы же с ним были в одной роте, в походе, – ответил Эмиль тоже на финском.

– Так вот, Тойво арестовали ее в тридцать третьем. Изменник и враг народа.

– Тойво? Какой же он изменник! – воскликнул Тойкка.

– Обыкновенный! Такой же, как и десятки наших земляков, которых в чем только не обвиняют.

– Замполита Лахтинена¹⁷ тоже арестовали – «вышка». Вот Арне Харакка¹⁸ в рубашке родился – осужден к ссылке.

– Что они там себе выдумывают? – не унимался Тойкка.

– Где там, Эмиль? – злился Аксель на товарища. – Удивлен? А помнишь тридцать третий год, тогда еще все только начиналось? Как Суло Каукинена¹⁹ приговорили к «вышке», а потом

¹⁵ Тойкка (Токко) Эмиль Вильгельмович, финн, родился в 1900 г., в Красной Армии с 1919 г., участник Гражданской войны в Карелии, похода Тойво Антикайнена, войны в Испании, артиллерист. Коронель – полковник (*исп.*).

¹⁶ Сутилайнен Тойво, финн, родился в 1901 г. в Финляндии, командир взвода Карельской егерской бригады РККА, работник дорожного управления в Петрозаводске, арестован в 1933 г., расстрелян.

¹⁷ Лахтинен Тойво Оттович, финн, родился в 1903 г. в Финляндии, командир РККА, проживал в Петрозаводске, арестован в 1933 г., впоследствии расстрелян.

¹⁸ Харакка Арне Алексеевич, финн, родился в 1907 г., уроженец Финляндии, командир РККА, начальник военной подготовки, арестован в 1933 г., осужден на 5 лет ссылки в Карагандинский лагерь.

¹⁹ Каукинен Суло Матвеевич, финн, родился в 1897 г., участник похода Тойво Антикайнена, военнотружаший Карельской егерской бригады, арестован в марте 1933 г., приговорен к 10 годам лишения свободы, освобожден только в ноябре 1948 г.

заменяли на десять лет ссылки. Лаури Виртанен²⁰ тоже выслан. Иогану Линнала²¹ повезло меньше – его расстреляли. Да половина нашей Карельской егерской бригады погибла... убиты без войны.

– Сейчас репрессии остановят, война близко. Испания – это тренировка, репетиция большого дела. Им нужны будут командиры, особенно те, кто прошел мировую и Гражданскую. От военных отстанут, – предположил Эмиль.

– Какое там, Эмиль! Раскрутили они педали, хватают всех. Командир наш Эйольф Матсон²² тоже под следствием – госизмена...

– Шансы есть? Может, выпустят, Аксель? – с надеждой в голосе произнес Тойкка. Разговор продолжался на финском.

– Скорее всего, расстрел... иное маловероятно. Всех финнов, особенно военных, которые в Карелии на свою голову остались, под статью ведут.

– Не знаю, как и домой возвращаться.

– Пока и не торопись, Эмиль. Как знать, если бы не эта командировка в Испанию, может, нас тоже того... – Аксель молча выпил.

– Все равно возвращаться нужно, у меня в Воронеже семья.

– Как супруга, как сын? – сменил тему Аксель, пытаясь отвлечь товарища.

– Неплохо, обустриваются на новом месте, скучают, наверное...

– Хорошая вы все-таки с Линдой пара.

– А то! – улыбнулся Эмиль.

Для этих финнов, которым еще не было и сорока, война в Испании была третьей – и как верно заметил один из них, своего рода тренировкой перед будущими сражениями.

Эйнари вошел в уже знакомый кабинет Меландера. Ларс и капитан Лейно поприветствовали перебежчика.

«Буржуи! Чего хотят, куда клонят? В тюрьму не сажают, назад не отправляют», – Хейкконен взвешивал свои шансы.

Разговор начал Меландер.

– Эйнари, положение ваше незавидное. Вы – русский офицер, перебежчик, к тому же участник похода Тойво Антикайнена... и можете быть причастны к военным преступлениям, которые совершили красные против финских добровольцев.

– Полковник, русский офицер – это Карл Густав Маннергейм, а я командир Красной Армии, – Эйнари сам обрадовался такому язвительному замечанию.

– Это мало меняет суть дела, – продолжил Ларс.

– Вам, наверное, известно, что сейчас Тойво Антикайнен сидит в тюрьме? Он осужден за убийство пленного во время похода. Очень жестокое убийство Антти Марьониemi. Антикайнен получил пожизненное, понимаете? – вступил в разговор Лейно.

– Да, я слышал об этом. Хотите упрятать меня за решетку?

²⁰ Виртанен Лаури Викторович, финн, родился в 1898 г., участник похода Тойво Антикайнена, секретарь промкомбината в д. Ухта (сейчас Калевалы), арестован в марте 1933 г., приговорен к ссылке в Казахстан на 5 лет.

²¹ Линнала Иоганн (Иван) Константинович, финн, родился в 1884 г., участник похода Тойво Антикайнена, военнослужащий Карельской егерской бригады Отдельного Олонецкого батальона, командир хозяйки, проживал в г. Олонец, арестован в марте 1933 г., в августе приговорен к расстрелу.

²² Матсон Эйольф Георгиевич, швед, родился в 1897 г. в богатой семье, финский революционер, после поражения финских коммунистов бежал в Россию. Рядовой РККА, впоследствии командир батальона, участник Гражданской войны в Карелии, командир Карельского егерского батальона, начальник штаба дивизии, с 1931 г. по 1934 г. – командир Карельской егерской бригады, арестован в мае 1936 г.

– Эйнари, не спешите с выводами, если бы мы хотели, то не стали бы терять время, – вмешался Ларс.

– Финляндия – это не Советский Союз. Здесь кроме военной разведки, есть правительство, парламент, несколько политических партий, независимые журналисты, а еще суды, настоящие суды... в отличие от СССР. Антикайна доволно долго «мариновали» в качестве подсудимого, за него вступились коммунисты и общественники всех мастей. Можете такое представить в своей стране? – добавил Лейно.

– В таком вот положении, полунелегала, полубеглеца, долго оставаться нельзя. К тому же у вас семья, – сказал Меландер.

Эйнари промолчал. Что тут возражать – ради собственной семьи он стал «перебежчиком», а за этим пряталось куда более гнусное слово, которое ему, служившему в Красной Армии, просто стучало по нервам. И слово это – «предатель».

– Эйнари, никто из нас не заинтересован, чтобы ваша биография стала достоянием общестственности, и вы составили компанию Тойво.

– Вам нужно сотрудничать с военной разведкой Финляндии, – прямо заявил Лейно.

– Понимаю, – тихо проговорил Хейкконен.

«Издаалека зашли, о судах и парламенте, – злился Эйнари, – мол, против тебя ничего не имеем, но не все в наших силах, хотя можем и помочь».

– Возможно, у вас есть сведения или вы что-то знаете о русских агентах среди финнов? – спросил Лейно.

Эйнари поднял глаза.

«Поторопился, Лейно» – мелькнуло у Меландера.

– Предлагаете мне предать товарищей?

– Бывших товарищей, бывших, Эйнари, – поправил Лейно.

– У меня таких сведений нет, как и нет бывших товарищей, – резко ответил Эйнари.

– Даже если бы и были, вы бы ничего не сказали, правильно? – вмешался Ларс.

Меландер понимал, что Эйнари – настоящий финн. Упрямства ему не занимать, и чем больше на него давить, тем больше он будет сопротивляться.

– Хорошо, Эйнари, что прикажете с вами делать? Отдать под суд и забыть все эти разговоры? – Ларс смягчил тон.

– Отдавайте, нам с Тойво скучно не будет, – сострил Эйнари. – Все равно я не знаю советских агентов в Финляндии.

– Вы не думали, что может быть, если вас отправят в тюрьму? – в разговор вновь вступил Лейно.

– Я встречу Тойво, может, еще кого-то? – Эйнари пытался иронизировать.

– Нет, я о вашей семье... их могут отправить обратно в СССР.

Хейкконен смолк.

«Мягко стелет, да жестко спать – подумал, он. – Теперь мне ходить, а ходов то и нет...»

– А как же свободная пресса, независимый суд и многопартийность? – все-таки нашелся Эйнари.

– Иногда это не срабатывает, – ответил Меландер.

Ларс Меландер смирился с тем, что склонить Хейкконена к сотрудничеству будет не просто. Эйнари вряд ли имеет отношение к советским спецслужбам, однако не получить никакого результата, имея в руках русского офицера... А как же чувство профессиональной гордости? Он, начальник Управления военной разведки, не смог сломить перебежчика.

«Вот Эско, глава ЦСП, смог бы. Русский... да какой русский... финн. Эско нашел бы общий язык с финном. Эйнари может и должен помогать военной разведке. Пригодится в отделе статистики. Он знает достаточно о дислокации, количестве советских войск, располо-

женных в Карелии, командирах и генералах. Это весьма полезная информация», – Меландер не хотел сдаваться.

– У нас мало желания отдавать вас полиции или финляндскому правосудию. Вы, человек военный, тем более командир разведроты, не хуже нашего осознаете свою ценность.

– Ваши знания и навыки будут полезными для финской армии, – продолжил Лейно.

– Значит, я должен рассказать, как вам воевать против Красной Армии? – громко спросил Эйнари.

В кабинете воцарилось молчание.

«Этот финн испытывает наше терпение, но где-то должны быть точки соприкосновения. Неужели его придется шантажировать семьей и ребенком?» – терпение Меландера заканчивалось.

– Все, достаточно на сегодня бесед. Лейно, пусть подадут машину.

– Куда поедет, господин полковник? – удивился капитан.

– Об этом позже.

– А господин «командир» Красной Армии отправляется с нами? – Лейно сделал ударение на слове «господин».

– Да, Лейно, господин командир Красной Армии, – без иронии повторил Ларс, – отправляется с нами.

«Что задумал этот фронт? Куда меня повезут? Может, моя песенка спета? Надо было соглашаться. Расстреляют или отвезут на границу, сдадут пограничникам? А Костик, Анна... Как же ты влип, мало того что сам свалил дурака, так еще и семью подвел под монастырь», – забеспокоился бывший командир Красной Армии.

Тем временем «Ауди» канцелярии начальника разведки въехала во двор. Через пару минут Эйнари, Лейно и Меландер сели в автомобиль.

– Какие будут указания, господин полковник? – спросил водитель.

– Поедем в гости к полковнику Рапала – небольшая экскурсия.

Лейно по-прежнему не догадывался, что задумал Меландер, однако задавать полковнику вопросы, тем более в присутствии водителя и Эйнари, не решался.

– Куда, едем? – обеспокоено спросил Эйнари.

– Скоро увидите. Вас это заинтересует.

– После поедет к Александровскому театру, – Меландер обратился к водителю.

Автомобиль быстро двигался по улицам Хельсинки. Эйнари начал нервничать. Через сорок минут они остановились у КПП.

«Похоже на воинскую часть. Полк какой-то, что ли?» – подумал Эйнари.

Солдаты, посмотрев на документы, вытянулись по стойке смирно. Машина въехала на территорию воинской части.

Ларс и Лейно вышли из машины, к ним подошли несколько человек. Офицеры весело поприветствовали друг друга. Видимо, здесь все были знакомы не первый день. Эйнари никак не мог взять в толк, что все это значит. Когда незнакомые офицеры ушли, Меландер открыл дверцу автомобиля.

– Эйнари, пройдемте с нами. Сейчас мы в расположении 2-го полка 7-й дивизии. Посмотрите, какая у нас армия, – тихо сказал Ларс.

– Зачем? – спросил Эйнари.

– Как зачем? Вы сами сможете во всем убедиться, – в чем, Ларс не уточнил.

Проходя вдоль казарм, Эйнари увидел солдат в строю, небольшие домики, дальше – казематы, строения, за колючей проволокой – весьма скромную артиллерию.

– В полку почти две тысячи человек, вместе с гражданскими. Это одна из самых больших воинских частей в Финляндии, – объяснил капитан Лейно.

– Впечатляет, Эйнари? – рассмеялся Меландер, когда шли назад к машине, – ну говорите честно?

– Да как сказать, не то чтобы очень...

– Вот именно! Вам есть с чем сравнивать – и мне, кстати, тоже. В тридцать пятом году были так называемые Большие маневры Киевского военного округа²³, помните?

Эйнари, естественно, помнил. Это, возможно, самые большие учения Красной Армии за весь период ее существования. Во всех частях демонстрировали кадры, когда сотни, тысячи парашютистов-десантников спускались с неба, вместе с пушками, машинами, бронетехникой, как в полях наступали танки, пехота, кавалерия.

– В этих маневрах участвовало столько танков, сколько нет во всей армии Финляндии. Я знаю об этом со слов французских военных атташе. Их весьма впечатлила Красная Армия, чего не скажешь о финской.

– Что из этого следует, полковник? – спросил Эйнари.

– Сейчас отправимся еще в одно место – и нужно будет принимать решение.

Автомобиль вновь мчался по улицам Хельсинки. На пересечении улиц Булеварди и Альбертинкату, у здания Александровского театра, автомобиль остановился.

– Это, Эйнари, смотрите внимательно... посольство вашей страны, – Меландер указал на внушительное здание с противоположной стороны и многозначительно заглянул в глаза Хейкконену.

– Теперь назад в штаб.

Спустя четверть часа Меландер, Лейно и Эйнари вернулись в кабинет начальника Управления военной разведки.

– Итак, Эйнари, как я понял, ваше упрямство безгранично. Но скажите, когда вы бежали из СССР, на что рассчитывали?

– Хотел избежать расправы, сохранить жизнь, обезопасить семью, – Эйнари потупил взгляд, сейчас он походил на школьника, который разбил окно в учительской и был вызван «на ковер».

– Объяснять не нужно, что так просто устроить свою жизнь в Финляндии с вашей, не побоюсь этого слова, богатой биографией не получится, – непринужденно сказал капитан Лейно.

– Теперь по существу, – Ларс говорил без эмоций.

Замысел был прост – вместо того чтобы «ломать» Эйнари, Меландер попытался найти с ним точки соприкосновения. Эйнари – военный разведчик, он, скорее всего, разочаровался в политике советского государства, но вовсе не в своих товарищах и Красной Армии. Меландер чувствовал, что Хейкконен по-прежнему считает себя советским командиром, ценит и уважает свою армию. Он мог изменить Сталину, но не Родине. А раз так, то надо показать «русскому», что финляндская армия просто не в состоянии напасть на СССР и тягаться с могучей «красной» машиной. Финны, скорее, сами нуждаются в защите. Как только Эйнари это примет, дальше будет проще, к тому же у Ларса были еще козыри.

– Эйнари, я повторяю предложение. Начинаете работать на военную разведку – мы забываем о вашем участии в походе Антикайненна и в дальнейшем помогаем устроить жизнь в Финляндии. Это вовсе не значит, что вы должны будете подрывать безопасность СССР и воевать против Красной Армии. Мы хотим обезопасить свою страну.

– По-другому никак? – Эйнари чувствовал, что уже сдается.

²³ Учения Киевского военного округа (Большие Киевские маневры) – самые большие предвоенные учения Красной Армии. Проходили в сентябре 1935 г., участвовало свыше 65 тыс. бойцов и командиров, 1000 танков, 600 самолетов, в том числе происходило десантирование личного состава и бронемашин (более 1000 человек).

– По-другому? Нет, вы же не ученый, не писатель, не простой советский рабочий или почтовый служащий. Вы – офицер, к тому же красногвардеец, участник Гражданской войны, – Меландер решил бить безоговорочно. – Советское посольство совсем рядом. Ребенка и жену мы передадим консулам. А вас вынуждены будем отдать в руки финляндского суда. Пусть они разбираются за преступления двадцать второго года. Поверьте, найдутся желающие отправить советского офицера на каторгу.

«С таким успехом можно было бы оставаться в Петрозаводске. Выбора, в общем-то, нет. Думал, будет по-другому... вот и рассказали мне, как это «по-другому», – Эйнари смотрел в пол. – Мало того, что убежал из СССР, так теперь еще и стану агентом финской разведки».

– Мы готовы дать вам время подумать, но недолго, – Ларс говорил очень спокойно, цели своей он достиг.

Красногвардеец, курсант Ленинградской пехотной школы, красный командир, капитан РККА, теперь сотрудник финской «буржуйской» разведки...

– Финской – все-таки не японской, – по-русски сказал Эйнари.

Лейно и Меландер переглянулись.

– Вы гарантируете безопасность моей семье и мне лично? – Хейкконен обратился на финском к Меландеру.

– Я, начальник Управления военной разведки, лично гарантирую, – ответил Ларс.

– Согласен, – выдохнул Эйнари.

– Наше сотрудничество построим следующим образом – несколько недель вы будете работать с офицером из отдела статистики. Сообщите ему все, подчеркиваю, все сведения о Красной Армии и НКВД, которые вам известны. Кроме того, у нас есть вопросы о военных объектах, расположении промышленных предприятий, строительстве дорог в соседней Карелии. Прошу дать наиболее полную информацию. В самое ближайшее время мы с капитаном Лейно позаботимся, чтобы вы и ваша супруга получили документы граждан Финляндии. Сына необходимо определить в школу. Надеюсь, он умеет держать язык за зубами.

Эйнари задумался – все это время он больше беспокоился о жизни и смерти, о чести и предательстве, не отвлекаясь на бытовые вопросы. А ведь, действительно, его сын должен выучиться, жена должна что-то делать, надо устроить мало-мальский быт.

«Костик все это воспринимает пока с пониманием, но это может быть до поры до времени. Нет, конечно, сын отца не сдаст. Но как будет дальше? Не убежит ли он в СССР? За примером далеко ходить не надо, – Эйнари вспоминал собственное прошлое. – Меня ведь в свое время очень отговаривали от дружбы с левыми. Отец советовал не лезть в политику, а я влез дальше некуда, до сих пор расхлебываю».

– Предлагаю поступить так – месяц-полтора проведете в госпитале, под нашим присмотром. Ваш сын владеет финским?

– Да, полковник.

– Русской речи в госпитале быть не должно. Как только пройдет испытательный срок, вы будете работать в отделе подготовки разведчиков, возможно, для прикрытия станете заниматься гражданским трудом.

– А моя жена? Как ей быть?

– Думаю, ей найдется занятие в госпитале – она сможет получать жалование, пусть и небольшое, ну и понятно – быть под наблюдением. Но это потом, сейчас – карантин! – четко обозначил ситуацию Меландер. – Какие еще вопросы и пожелания?

«Вопросы и пожелания... – Эйнари призадумался. – Какие тут могут пожелания? Не до жиру, быть бы живу».

Элиас Пуоми²⁴ шел к Ларсу Меландеру. Пару дней назад Ларс сказал, что будет серьезное дело. На просьбу Элиаса хотя бы в общих чертах рассказать, что к чему, Ларс ответил уклончиво, сославшись на отсутствие полных данных.

«Теперь значит, данные у Меландера полные. Что задумал новый начальник? Может, хочет заслать группу диверсантов или агентуру в СССР? Но людей у нас мало, да и стоит ли», – размышлял Элиас.

– Разрешите, господин полковник.

– Проходите, майор, у меня к вам разговор.

– Слушаю.

– Элиас, насколько я знаю, вы были военным атташе в Москве.

– Так точно. Разговор пойдет о России?

– И не только. Я долго думал, кому поручить этот вопрос, и хотел бы посоветоваться. Во-первых, вы возглавляете отдел статистики и занимаетесь исключительно СССР, а во-вторых, много общались с русскими и жили в Советском Союзе, поэтому как никто другой знаете... – Ларс сделал паузу, – кто сможет найти общий язык с русскими, точнее советскими, офицерами, если таковые появятся в нашем распоряжении.

Элиас задумался: «Кто может найти контакт с русскими офицерами? С русским найдет контакт, скорее всего, другой русский».

– С кем именно придется работать, Ларс?

– С русским офицером, который вскоре появится в Управлении военной разведки.

– Весьма неожиданная новость, господин полковник. Позвольте узнать, откуда он здесь?

– Как откуда? Русский офицер, конечно же, из России.

– Вы задержали шпиона-диверсанта, вычислили агента?

– Нет, это перебежчик.

– Перебежчик? Господин полковник, не сомневаюсь в профессионализме наших сотрудников, но все же позвольте спросить, не может ли он быть двойным агентом.

– Двойной агент, Элиас? Что вы? Заслать двойного агента под видом перебежчика в Генеральный штаб, да еще и в службу разведки?

– У русских железная дисциплина. Они готовы выполнять самые сложные и, кажется, безрассудные задания.

– Не отрицаю. Однако этот русский прибыл в Финляндию вместе с женой и сыном.

– Интересный поворот. Каким образом?

Ларс Меландер рассказал историю появления Эйнари в Хельсинки.

– И все же, господин полковник, у меня остаются сомнения насчет этого Эйнари.

– Это нормально, мы ведь в разведке. Сама служба предполагает не доверять и подозревать. Знаете ли, такая профессиональная деформация характера.

– И души... – продолжил Элиас.

– Глубоко копнули, майор. Как говорили рыцари, жизнь – королю, даме – сердце, а душу – Богу.

– Раз уж зашла речь о Боге, господин полковник, русские все атеисты. Я был в Москве зимой тридцать первого года, когда они взорвали Храм Христа. Взрыв происходил на моих глазах.

²⁴ Элиас Эрkki Пуоми, родился 1896 г., с 1928 г. – офицер отдела статистики, с 1929 г. – военный атташе в СССР, с 1934 г. по 1937 г. – и. о. начальника отдела статистики, с июня по сентябрь 1937 г. – начальник Управления военной разведки, с 1937 г. по 1939 г. – начальник отдела статистики.

– Страшное зрелище?

– Сам взрыв нет, я был на войне. Но это же церковь, церковь, а не крепость. Ощущение было такое, что ад уже наступил. Не знаю, как описать свои чувства... Ужас, страх и пустота. В посольстве у одного из сотрудников я выпросил Библию, с тех пор у меня иное отношение к Евангелию.

– Что же, душа ваша несколько не деформировалась.

– Кто знает... Все-таки я не стал бы верить русскому.

– Элиас, я рассказал вам, как русский попал к нам, но не сказал, что он еще и финн.

– Финн?

– Да, бывший красногвардеец, участник похода Антикайнена, уроженец Терво.

– Информация о его прошлом соответствует действительности?

– Да, мы проверили.

Элиас задумался, возможно, пообщавшись с Эйнари, он несколько по-другому воспринимал бы русского финна, интуитивно чувствуя, что последний не шпион, а человек, который просто хотел избежать смерти, поэтому и решился на отчаянный побег.

– Знаете, с русским сможет лучше всего сработаться Арво Кярккяйнен²⁵. Он уроженец Петербурга, прекрасно владеете русским языком и, как бы это сказать... знаком и с русским, и с финским, и с карельским характером.

– Тогда решено, с нашим «подопечным» будет работать Арво.

«Почему нет, легенда более чем правдоподобная – русский офицер, финн по происхождению якобы разочаровался в идеалах социализма, испугался репрессий и участи «врага народа». Русскому и его семье организывают «побег», далее перебежчик попадает в Управление военной разведки или ЦСП, потом сотрудничает со спецслужбами, медленно «втягивается» в доверие, года два никак себя не проявляет, «консервируется». Через время информирует Москву обо всем, что происходит в стенах Управления и Генштабе. Как быть с семьей? Ведь так просто рисковать близкими... Впрочем, на то могут быть свои причины. Не исключено, он сам себя чувствует гораздо безопаснее и комфортнее здесь в Хельсинки, нежели в Петербурге или Москве. В общем, Меландер теперь главный – ему решать», – Элиас Пуоми не спешил брать на себя дополнительное бремя.

Меландер в свою очередь полагал, что Эйнари, «изолированный» в отделе статистики, не будет иметь никакого доступа к информации об Оборонительных силах Финляндии. Своего рода страховка от возможной работы на Советы. Действовать он будет через Арво Кярккяйнена, предоставляя информацию и консультируя по всем вопросам, связанным с Советским Союзом и Красной Армией. Важно, чтобы о его существовании не пронюхали ни ЦСП, ни журналисты, иначе поднимется «шумиха», и тогда, возможно, Эйнари придется передать в суд, а упускать столь ценный кадр не хотелось.

– Эйнари, проходите, – Ларс и Арво уже ждали.

– Это Арво Кярккяйнен, теперь он ваш непосредственный начальник. Его вопросы требуют ответов.

– Хорошо, – угрюмо ответил Эйнари.

– Вы офицер, насколько мне известно? – спросил Арво, обращаясь к Эйнари.

– В Красной Армии нет офицеров, есть бойцы и командиры! Я командир.

²⁵ Арво Эдвард Кярккяйнен, родился в 1900 г. в Санкт-Петербурге, в 1924–1934 гг. – сотрудник отдела статистики Управления финской военной разведки, позднее работал в других отделах, во время Зимней войны один из руководителей агентурной сети.

– Ваше звание?

Эйнари молчал. Ларс едва кивнул головой.

– Капитан, капитан Красной Армии, – уточнил Эйнари.

– Я майор Арво Кярккяйнен, начальник отдела статистики и...

– Собираете данные против Красной Армии, – перебил майора Эйнари.

– В некотором роде, в первую очередь обеспечиваю безопасность Финляндии, – невозможно и уже на русском ответил Кярккяйнен.

Эйнари опешил – ответа на русском языке он не ожидал.

– Думаю, найдем общий язык, – вновь на русском резюмировал Арво.

– Будем считать, знакомство состоялось, – сказал Ларс. – Теперь вот что, господа офицеры. Эйнари Хейкконен для всех, кроме меня, капитана Лейно, вас, Арво, и еще нескольких сотрудников, – фенрих финляндской армии, прибывший из Германии, где пробыл долгое время в немецких вооруженных силах. Прежде чем Хейкконен выйдет в отставку, по долгу службы он немного поработает на военную разведку Финляндии. Именно под такой легендой ему предстоит с нами сотрудничать.

Питкянен²⁶, за редким исключением, прогуливался каждый третий четверг месяца по набережной в одно и то же время. Он никуда не торопился, зная, что торопиться некуда – автомобиль сам остановится в нужном месте. А если автомобиля не будет, это означает лишь то, что ничего не происходит, и пока от него ничего не требуется. Автомобиль подъехал.

«Что же, пойду, тем более сегодня есть о чем поговорить», – офицер Управления военной разведки Финляндии поспешил к знакомой машине.

Со стороны могло показаться, что Питкянену очень нужно такси. Он открыл дверцу и устроился на заднем сиденье.

– Привет, – прозвучал металлический голос водителя, – как дела, что нового?

– Здравствуйте, – Питкянен никогда не обращался к водителю на «ты». – Есть одна новость, думаю, она вас заинтересует.

– Расскажешь по дороге, – поглядывая на Питкянена в зеркало заднего вида, сказал начальник Центральной сыскной полиции Финляндии и уверенно повел автомобиль по улицам Хельсинки.

Питкянен давно служил в военной разведке. Еще в молодости активно боролся за независимость Финляндии. В Управление военной разведки он попал через своих товарищей, с которыми прошел огонь и воду во время Гражданской войны, будучи совсем молодым. Питкянен не обладал амбициями – не будь этого вихря революций, скорее всего, он стал бы гражданским чиновником, но его жизнь сложилась иначе.

Этот человек исправно служил в отделе статистики военной разведки Финляндии, без каких-либо серьезных замечаний, кроме одного – он был большой любитель крепких напитков и частенько наведывался в питейные заведения Хельсинки. Несколько лет назад, изрядно набравшись, Питкянен устроил драку в одном из кабаков. Серьезно пострадал молодой студент, в связи с этим даже вызывали полицию.

Питкянен, видимо, вспомнил молодость, и когда его попытались отправить в участок, пустился наутек. Закончилась эта история тем, что когда горе-офицера взяли под стражу, выяс-

²⁶ Сведения о сотрудничестве офицера военной разведки Финляндии по фамилии Питкянен с Центральной сыскной полицией приводятся в книге историков Э. П. Лайдинена, С. Г. Веригина «Финская разведка против Советской России», изданной в Петрозаводске в 2013 году.

нилось, что он не какой-то там пьяница-хулиган... Делом быстро заинтересовалась Центральная сыскная полиция.

Эско Риекки предложил Питкянену простое решение проблемы. Полиция «забывает» о его проделках, улаживает все дела с потерпевшим, и Питкянен появляется на службе в понедельник утром как ни в чем не бывало. Единственное условие – теперь Питкянен должен каждый третий четверг месяца встречаться с Эско или его ближайшим заместителем и сообщать о том, что происходит в стенах Управления военной разведки. Эско тогда еще сказал Питкянену, что это не шпионаж, потому как делают они общее дело, а разведчики порой слишком самостоятельны, это может нанести ущерб государству. Военный согласился на такое сотрудничество. Деньги ему платили от случая к случаю, однако постоянно снабжали хорошим вином и сигарами.

- С севера привезли русского военного.
 - Что за русский? Задержанный диверсант, перебежчик?
 - Скорее всего, перебежчик, но непростой.
 - У нас бывают и перебежчики, и просто беженцы из «социалистического рая». Что в нем особенного?
 - Точно не знаю, но вокруг этого русского столько движений, им занимается лично Ларс.
 - Ларс? Это уже наводит на мысли.
 - Мало того, этот русский не один, есть подозрение, что с ним жена и сын.
 - Его содержат в Управлении?
 - В том то и дело, что нет. Его несколько раз привозили на автомобиле.
 - И это Управление военной разведки, все всё знают, – рассмеялся Эско.
 - Не скажите, просто некоторые вещи технически скрыть трудно.
 - Что-нибудь еще знаешь? Или это все?
 - Нет, больше ничего, но мы смотрим... Сами знаете, даже в прочной плотине всегда найдется течь, – весело ответил Питкянен.
 - Это ты сейчас о себе?
 - Нет, в целом о профессии, – Питкянену не понравился тон Эско.
 - Что еще нового? Как новый начальник Ларс Меландер?
 - Трудно сказать что-то определенное. На мой взгляд, Меландер хочет, чтобы военная разведка имела больше влияния на Генеральный штаб и армию.
 - Посмотрим, что из этого выйдет, – Эско не спешил с выводами.
- Машина остановилась в безлюдном переулке – это означало конец беседы.
- Там сзади, на сиденье.
 - О, французское! И сигары! Неплохо, наверняка контрабандное, – Питкянен остался доволен встречей.
 - Надо будет срочно и по делу, ты знаешь, как с нами связаться.

Эрик наблюдал, как очаровательная девушка выходила из здания редакции «Хельсингин Саномат»²⁷.

«Лия, Лия, зачем посещаешь конкурентов. Очень скоро дядюшка Эрик перестанет бегать за тобой и звать в кафе, потому что ты, милая Лия, сама будешь просить о встрече», – Эрик нажал педаль газа, и автомобиль через несколько секунд остановился рядом с девушкой.

– Привет, подвезти?

²⁷ Helsingin Sanomat («Хельсинкские известия») – финская газета, основана в 1889 г.

– Следишь за мной? Тебя не было почти неделю. Гляди, в Хельсинки много симпатичных таксистов, – весело ответила Лия.

– Садись в машину, Лия, есть новости.

Девушка села на заднее сиденье. Эрик был весьма недурен собой, однако Лия, журналистка и вместе с тем красивая девушка, считала его слишком юным и не слишком умным, вернее недалеким. Но между ними сложились приятельские отношения, которые Эрик воспринимал не иначе как преамбулу к настоящему роману.

– Какие новости, Эрик? На скачках Тони больше не фаворит или таксисты опять подрались в баре у старика Юхо?

– Все шутишь! Думаешь, Эрик больше ничем не интересуется, кроме баров и скачек, – обиженно сказал молодой человек.

– Эрик, не сердись, тебе не к лицу, – по-прежнему иронизировала Лия. – Может, ты влюбился и больше не станешь приглашать меня на кофе?

– Может, и влюбился, – Эрик решил идти напролом.

– Чудесно! А вот мне пока не везет.

– Ты у нас не влюбляешься? Как же... У тебя работа, образование, в твоих книжках ученые, небось, о любви и не пишут, – съязвил Эрик.

– Сдаюсь, давай лучше расскажи уже, что там у тебя.

– Лия, в общем, я был в Кухмо, – начал Эрик.

– В Кухмо, в лесах, на севере? Много нынче клюквы, грибов? – Лия перегибала палку, но остановиться не могла.

– Да, клюквы много, могу даже тебя угостить, если придешь в гости, – не остался в долгу Эрик.

– Прекрасно! А еще какие новости в Кухмо?

– Не знаю, уж рассказывать ли... Доверить тебе тайну...

– Тайну? Какую? – любопытство взяло верх над иронией.

Эрик решил разыграть карту, хотя и понимал, что поступает нечестно. Таксист хотел добиться расположения Лии во что бы то ни стало. К тому же Эрик сильно злился, когда Лия воспринимала его как мальчишку. Он решил немного соврать – это ведь не принесет никому вреда. Вымысел рождался сам собой.

– Я вез в Кухмо одного толстосума. Там у меня живет брат, он служит пограничником в комендатуре.

– Понятно, вы с братом задержали русских диверсантов, их было пятеро и все вооружены?

Эрик не терял самообладания.

– Ты мне льстишь, Лия. Мы с Вилье, моим братом, выпили, поговорили о том о сем, потом он открыл мне тайну, – Эрик выдержал паузу.

– Какую тайну открыл Вилье, что он сказал?

Эрик начал рассказывать о том, что слышал от Вилье, но уже в собственной интерпретации.

– Они задержали русского диверсанта прямо у здания комендатуры, причем это был не обычный шпик. Его сообщника до сих пор не поймали, бегают в лесу. Затем Вилье сообщил, что якобы с этим парнем для отвода глаз были женщина и ребенок. Их задержание скрывают даже от местных властей и полиции.

Лия перестала улыбаться.

– Естественно, я решил, что Вилье набивает себе цену. Может, кого-то и поймали, а может, и нет.

– И что ты думал? – серьезно спросила Лия.

«Вот тут мы еще немножко приврем, раз рыбка клюнула», – обрадовался Эрик.

– Ничего не думал, если бы не одно «но». Когда я возвращался в Хельсинки, недалеко от Кухмо, дороги там – не у нас в столице, произошла небольшая авария. Две машины не смогли разъехаться. Я остановился – подошел военный, представился, что он из Управления военной разведки, спросил, куда направляюсь, и вежливо попросил взять одного офицера, а с ним мужчину, женщину и ребенка. Ехали мы молча до самого Хельсинки, только женщина несколько раз переговаривалась с ребенком на иностранном, и это был русский. Мне щедро заплатили, но велели молчать о том, куда и кого я вез, – Эрик наносил последний штрих. – Пассажиров высадил я недалеко от Коркеавуоренкату, двадцать первый дом²⁸.

– Все это странно, Эрик, и не совсем правдоподобно, – сказала Лия. – Кстати, мы почти приехали.

– Не веришь? Думал, тебя это заинтересует?

– Возможно, только слишком мало информации.

– Давай, я что-нибудь еще разузнаю, посидим... расскажу за чашкой кофе, – чуть ли не взмолился Эрик.

– Возможно, но мне пора. Была тебя рада видеть.

– Я тоже... – нахмурился таксист.

Лия вышла из машины.

«Эрик все придумал. Как-то складно у него получается. Но, с другой стороны, почему бы и нет. У нас только с Советами настоящая граница, и от коммунистов вполне можно ожидать чего угодно. Хотя женщина и ребенок... Ладно, надо заниматься статьей, а насчет русского спрошу у кого-нибудь из приятелей в полиции», – Лия не придавала особого значения рассказу Эрика.

Эско Риекки приходил на службу одним из первых. Ему нравились улицы Хельсинки в ранние часы, когда можно было насладиться тишиной и осенними городскими пейзажами. Как и многие люди экстремальных занятий, а именно к таким можно было отнести работу начальника Центральной сыскной полиции, Эско в душе был авантюристом, человеком творческим и, наверное, немного романтиком. Однако на службе он становился Эско Риекки, таким, каким его знали враги и недруги – хитрым, дисциплинированным, энергичным и беспощадным.

Не откладывая в долгий ящик, он с самого утра пригласил к себе одного из заместителей, начальника отдела наружного наблюдения, и поделился с ним информацией, услышанной от Питкяненна.

– Попробуйте навести справки через полицию, через наши территориальные отделы, информаторов, где-то могла просочиться информация.

– Хорошо, господин полковник, но исходные данные скудные.

– Не спорю, тем не менее нужно быть в курсе, что происходит в нашей Суоми.

– Согласен, – ответил заместитель, – за военной разведкой нужен глаз да глаз. У них новый начальник – Ларс Меландер, но основной костяк – старые персонажи.

– Да, эти прохиндеи, – поморщился Эско, – способны на фокусы. Историю со Стольбергом мы вряд ли забудем.

– В Швеции до сих пор посмеиваются над «рассудительными и спокойными финнами».

– Смешного мало, благо и президент, и его жена остались целы и невредимы.

Эпизод с похищением первого президента Финляндии Каарла Юхо Стольберга и его жены Эстер, которое произошло семь лет назад, в октябре 1930 года, Финляндия запомнила

²⁸ Адрес Управления военной разведки Финляндии.

надолго. Когда поздно вечером стало известно о пропаже президента и его супруги, все отделы и управления полиции стояли буквально на ушах, в том числе и ЦСП.

История эта в интерпретации финской прессы и правоохранителей выглядела более чем увлекательно и комично, ничуть не хуже, чем приключения героев романа Майю Лассила «За спичками».

Началось все с того, что офицеры финляндской армии, ряд которых принадлежали к крайне правой националистической организации «Замок Финляндии», находились с инспекцией в городе Сортавала. Посреди грубейшего нарушения «сухого закона» офицерами, проще говоря, хорошего застолья, в том числе с участием начальника Генерального штаба генерал-майора Валлениуса, родилась идея похитить первого президента Финляндии, известного своими либеральными взглядами.

В дальнейшем, уже в ходе судебных разбирательств, эту затею называли «неудачной пьяной выходкой». Валлениус якобы дал добро на это «похищение». Организаторами данного мероприятия выступили полковник Генштаба Кууссари и секретарь правой организации «Замок Финляндии» Яскари. Может быть, действительно, Валлениус и разошелся по пьяной лавочке, однако 14 октября 1930 года Кууссари дал телеграмму Валлениусу, что к похищению все готово. На следствии генерал утверждал, что это было для него полным шоком. Он и подумать не мог, что «пьяную шутку» подчиненные воспримут столь серьезно.

Кууссари и Яскари нашли нескольких исполнителей рангом ниже. Именно они и застигли Стольберга на лесной дороге в пригороде Хельсинки, мирно прогуливающегося со своей супругой. Четверо похитителей силой принудили Стольберга сесть в машину. Карты сбила супруга президента Эстер – она потребовала взять ее с собой. В результате «Шевроле» уехал с двумя пленниками, а одного соучастника оставили в лесу. К вечеру пропажа Стольберга вызвала тревогу.

Чету Стольбергов тем временем перевезли в Йоэнссу, откуда их планировали забросить на территорию СССР. Здесь вновь случилась незадача: один из руководителей группы Янне оставил пленников в городе, а сам скрылся с подельниками. Стольберг вместе с супругой, предоставленные сами себе, провели ночь в городе. Утром они как ни в чем не бывало отправились на поезде в Хельсинки.

Последовал еще один казус – среди пассажиров Стольберг узнал своих похитителей, которых, разумеется, сразу арестовали. А уже утром 16 октября весть о благополучном исходе инцидента облетела Финляндию, и на вокзале в Хельсинки Каарла и Эстер Стольбергов встречала ликующая толпа горожан.

Полиция быстро расколола горе-похитителей. Сыщики добрались до организаторов и вдохновителей. Янне «сдал» Кууссари, а тот в свою очередь дал показания на Валлениуса. Начальник Центральной сыскной полиции Эско Риекки рыл землю, пытаясь докопаться до истины. Каждый из участников преуменьшал свою роль в похищении. Кууссари в конце концов стал личным врагом Риекки, дойдя до того, что стал обвинять начальника ЦСП в похищении президента.

Таковыми были общеизвестные факты. Эско Риекки прекрасно понимал, что не один Валлениус причастен к похищению. Кууссари, например, был одним из первых руководителей разведки Финляндии. Даже если это чистая импровизация, причем на «горячую голову», то истинные вдохновители и режиссеры этого «мероприятия», расставлявшие в нужное время фигуры по своим местам, избежали наказания и спокойно наблюдали из Генерального штаба или Управления военной разведки за происходящим. Думать так были все основания. Начальник военной контрразведки самого закрытого отдела всей финляндской армии майор Пюетси²⁹

²⁹ Отто Пюетси, родился в 1876 г., один из руководителей финской военной контрразведки. Все перечисленные участники похищения – реальные лица, как и само похищение.

подозревался в причастности к похищению президента, но после нескольких месяцев следствия преследование Пюетси прекратилось из-за отсутствия доказательств. Отношения между ЦСП и военной разведкой после этого инцидента, естественно, не улучшились.

– Как полагаете, Эско, зачем такая секретность вокруг русского? – задал вопрос начальник отдела наружного наблюдения.

– Не знаю, не знаю, что в голове у этих военных.

– Хорошо, попробую что-нибудь откопать.

– Кстати, о русских. Что вы думаете о новостях из Москвы и Ленинграда?

– У меня складывается впечатление, что в Советской России сейчас что-то вроде святой инквизиции и борьбы с еретиками.

– Еретиками?

– Да, именно! Есть неприкасаемые – «ближний круг» Политбюро, ну и естественно самого непогрешимого Сталина. Все остальные завтра могут оказаться предателями, вредителями, шпионами, агентами парагвайской разведки.

– Какой, какой разведки?

– Парагвайской! Русские всегда отличались хорошим чувством юмора.

– Ну, насчет парагвайской не знаю, но ходит байка, что один из обвиняемых после нескольких месяцев следствия все-таки признался следователю, что он работал на «гренландскую» разведку. На суде, естественно, произошел казус. Однако осужденного все равно расстреляли.

Оба лишь нервно усмехнулись.

– Кругом «враги народа», «троцкисты», «уклонисты», «бухаринцы», «анархисты», «империалисты», «кулацкие элементы», «предатели» – прямо сектантство и отступничество на ниве коммунистической религии, – продолжил Эско.

– Знаете, Эско, не исключая, что в какой-то момент Сталину будет тесно в России, и он пойдет дальше.

– Крестовый поход против капитализма? У них хватит сил?

– Почему бы и нет, фанатов в СССР хватает, к тому же есть Красная Армия.

– Вы действительно так думаете?

– Эско, я хочу спокойно выйти на пенсию, мне хватило Гражданской войны. В тридцать втором году наши агенты были в Советском Союзе. Прекрасно помню их донесения о коллективизации и голодоморе: вымирали целые села, а в посольствах Советы рассказывали об изобилии и счастливых колхозниках. Если они не жалеют собственный народ, то что они могут сделать с чужим.

– Н-да, есть над чем задуматься.

Отдел Арво Кярккяйнена занимался разведкой исключительно в отношении Советского Союза, а кроме того, подготовкой агентуры и диверсантов. Арво планировал на первоначальном этапе сотрудничества с Эйнари «вытащить» из него максимум сведений о Красной Армии, военных частях в Петрозаводске, промышленных объектах в Карелии, а также данные о советских военных и гражданских служащих. Если сотрудничество с русским пойдет более-менее успешно, то в перспективе Эйнари станет инструктором в Центре подготовки разведчиков и диверсантов. Но это в перспективе, а сейчас необходимо было наладить личный контакт.

Арво ждал Хейкконена в своем кабинете. Когда тот вошел, майор поприветствовал его на русском. Эйнари тоже ответил на русском.

– Эйнари, расскажите, как вы попали в Красную Армию? – начал Арво.

– Вам, наверное, уже известно, что в восемнадцатом году вместе с другими красногвардейцами я бежал в Россию. Мы прибыли в Ленинград. Советы планировали, что вскоре финский рабочий класс вновь возьмется за оружие, и для борьбы нужны будут военные, не просто бойцы, а командиры. Кроме того, в России шла Гражданская война, не хватало офицеров, так как многие чины из царской армии оказались на стороне белых. Нас определили в Петроградскую пехотную школу. При школе были финские курсы, вот мы, стало быть, курсанты...

– Кто был вашим начальником?

– Командовал нами Инно Александр Александрович, весьма грамотный человек, имел большой военный опыт³⁰.

– Вы участвовали в Гражданской войне на территории России?

– К счастью, нет. Когда грянул Кронштадтский мятеж, одну из финских рот отправили на подавление восстания моряков Балтики, но меня там не было.

– Почему к счастью?

– Выглядело все подло. Почему послали финнов? Финские курсанты, как бы это сказать...

– Я понял, Эйнари, о чем вы! У финнов было меньше сомнений и эмоций, поэтому их послали стрелять в русских.

– Да, именно так. После подавления Кронштадтского мятежа нас, курсантов Петроградской военной школы, хотели отправить на Восточный фронт, но события в Карелии, борьба с «белофиннами», где, кстати, уже участвовали финны-курсанты, заставляли командование держать нас в резерве.

– На тот случай если в Финляндии вновь начнется Гражданская война? – тихо спросил майор.

– И на этот случай тоже, – сказал Эйнари, опустив глаза, он чувствовал, что ему становится как-то стыдно.

– Вы хотели вернуться в Финляндию, чтобы продолжить борьбу и построить здесь социализм?

– Как сказать, тогда да, но, оглядываясь в прошлое, я рад, что до этого дело не дошло.

– Тогда вас не пугали жертвы и лишения?

– Молодость... эмоции. Мы были охвачены идеями мировой революции, а еще больше обидами, горечью за погибших товарищей-красногвардейцев.

– Сейчас вы уже разочаровались в идеях социализма?

– В идеях? – усмехнулся Эйнари. – Нет, в идеях – ничуть. Просто не все, понимаете, не все идеи стоят человеческих жизней.

– Когда закончилось обучение?

– Летом двадцать второго года состоялся выпуск.

– Значит, вы, будучи курсантом, зимой двадцать второго года принимали участие в знаменитом рейде Антикайнена.

– Да, я участвовал.

– Вам приказали... и вы пошли воевать против финнов?

³⁰ Инно Александр Александрович, родился в 1887 г., царский офицер, участник Первой мировой войны, попал в плен, имел несколько ранений. В РККА с 1918 г., начальник Интернациональной военной школы. Осуществлял общее руководство походом Т. Антикайнена, впоследствии – начальник и комиссар Ленинградской пехотной школы, командир 20-й стрелковой дивизии, с 1932 г. – комендант Карельского укрепрайона, с 1936 г. – начальник курсов «Выстрел», арестован в мае 1937 года, расстрелян сразу после суда 9 февраля 1938 года.

– Нет, отбор в отряд Антикайнена был исключительно добровольным, – тихо ответил Эйнари.

– Хотелось проверить себя в деле, узнать, чего все-таки стоите?

– Сразу видно, Арво, что вы военный. Но не только это... Время было такое. Все вокруг воевали.

– Что есть, то есть, – согласился Кярккяйнен. – Я видел много военных, они искренне не любили войну, но принимали в ней самое активное участие, рискуя своей жизнью. Много было желающих попасть в отряд Антикайнена?

– С избытком. Тойво лично отбирал каждого бойца, но в первую очередь – отличных лыжников и хороших стрелков.

– Все финны – хорошие лыжники, – улыбнулся Арво.

– Да, поэтому в отряд отобрали лучших.

– Убивать других финнов? Ради чего? – резко спросил Кярккяйнен.

– Послушайте, Арво, был Тартуский мирный договор, Финляндия и Советы решили кое-как вопрос о границах... Кое-как, но решили. Наступил хрупкий мир в вашей Финляндии и у нас в Карелии³¹. Только добровольцы-шюцкоровцы, не без участия вашей разведки и Генштаба, устроили эту авантюру. Пришли в нашу страну... Понимаете, в нашу... с оружием. Потому никаких сомнений у меня не было, – вспыхнул Эйнари.

Возникла пауза. Арво сообразил, что задел Эйнари за живое. Ларс его предупреждал, что Хейкконен – еще тот упрямец, и может на некоторое время уйти в себя.

– Будете кофе? – неожиданно спросил Кярккяйнен.

– Не откажусь, – согласился Эйнари с радостью, почему-то Арво казался ему хорошим парнем.

Кярккяйнен вышел из кабинета.

«Эйнари, Эйнари, сейчас ты расскажешь все. Кто ты в глазах этого майора? Сначала воевал в Финляндии «с одними финнами против других финнов», потом в Карелии в компании красных финнов против белых финнов, а сейчас вот сдаешь всю Красную Армию с потрохами бывшим врагам. Эх, сидел бы сейчас дома, пил свой кофе, точнее чай... А как же Анна? Именно Анна и сын – единственное, что у меня есть. Родину я потерял уже дважды – и первую, и вторую. Не будь их, остался бы в России. Вот Маннергейм – русский офицер, теперь герой нации, а между тем воевал с немцами, но в восемнадцатом году ни он, ни остальные не гнушались немецкой помощи... Надо будет при случае напомнить об этом и Арво, и Ларсу, они-то думают, что здесь в Хельсинки у них только благородные рыцари без страха и упрека», – Хейкконен пытался найти себе оправдание.

Эйнари вспомнил разговор в Ленинграде весной 1936 года. Комдив Егоров как-то вскользь упомянул, что можно, мол, отправиться военным советником на полгода в Испанию, а там – как получится. Но официального предложения так и не поступило. Нашлись кандидатуры получше. Эйнари вновь поймал себя на мысли, что начинает моделировать собственное прошлое, а вместе с ним – и настоящее. Слишком много «если», но он уже сделал свой выбор – все-таки решил плыть против течения, когда пересек государственную границу СССР.

В годы Гражданской войны Эйнари приходилось общаться с офицерами царской армии, товарищами по оружию. Командир Ленинградской пехотной школы Александр Александрович Инно, участник мировой, дважды контуженый, потом раненый, на вопрос молодого финна о том, что его побудило вступить в Красную Армию, ведь он вовсе не разделял идеи социалистов, честно ответил, что если бы в Питере на тот момент были белые, то, скорее всего, примкнул бы к отрядам Деникина, Корнилова, Колчака или еще кого-нибудь. Но в Питере

³¹ 14 октября 1920 года подписан Тартуский мирный договор между РСФСР и Финляндией, зафиксировавший ряд территориальных уступок со стороны Советской России.

были красные, а дальше уже закрутилось-завертелось. Для Эйнари не было секретом, что среди командиров и бойцов Красной Армии много тех, кто успел повоевать и за красных, и за белых. Хотя потом, во время репрессий, сей факт не имел никакого значения – смертные приговоры выносились старым большевикам, участникам революционных боев пятого года, «военспецам» из царской армии и совсем юным красноармейцам, «детям рабочих и крестьян».

Арво вернулся в кабинет, и вскоре подали кофе.

– Итак, Эйнари, на чем мы остановились? Вы воевали в Карелии с финнами?

– Да, мы называли их «белофинны». Я был в составе отряда Тойво Антикайнена.

– Это ваше единственное участие в военном конфликте?

– Надеюсь! После этого в людей мне стрелять уже не доводилось, – искренне ответил Эйнари.

– У вас были награды за этот поход?

– Были! Именные часы и значок «Честному воину Карельского фронта».

– Эйнари, не могу не спросить, что случилось с Антти Марьониemi? Вы знаете что-нибудь?

– А, вы об этом... Якобы Тойво сжег его на костре. Нет, лично я ничего такого не видел и не слышал. Но я ведь не всегда находился вместе с Тойво – наш отряд состоял из двух частей, а потом мы еще делились на группы. Естественно, в отряде были те, кто участвовал по-настоящему в Гражданской войне в Финляндии, подавлял Кронштадтский мятеж и еще много чего. Пленного могли запросто ликвидировать, но не столь варварским способом. Во время рейда мы воевали с врагами, с «белофиннами»... Либо нас, либо мы.

– Воспоминания не давят, Эйнари?

– Арво, а вы спросите у своих! Тут, наверное, каждый второй стрелял в красногвардейцев на поле боя... или отличился в лотерее в Хуруслаhti? – Хейкконен едва подавлял гнев.

Кярккяйнен опустил глаза – видимо, что-то давно спрятанное в закоулках памяти попыталось достать и представить ему самому.

– Знаете ли, майор, – Эйнари говорил громко и отрывисто, – может, я и воевал, может, был не прав, но стрелять в безоружных людей мне, слава Богу, не приходилось.

– Вы этим гордитесь?

– Нет, особой гордости у меня это не вызывает, но мне нечего стыдиться.

– Да, будет вам, Эйнари, – Арво попытался вернуть былой настрой, – ангелов среди нас нет. Вы, разведчик, всегда поступали как благородный рыцарь. Не поверю.

Эйнари нахмурился: «Вот же падла, едрить его налево, – вспомнил он русское ругательство, – проницательный какой».

Эйнари не врал, когда заявил, что совесть его чиста. Он действительно не стрелял в безоружных людей и не добивал раненых. Однако когда Хейкконен вспоминал один эпизод из похода, в душе его возникала ледяная пустота. Картины из прошлого незримым ужасом терзали душу, доводя порой до физической боли.

Уже несколько дней рота Эйнари шла по заснеженным лесам Карелии. Холод, усталость, впереди сопки, на ногах лыжи, за спиной амуниция, нехитрый запас еды, предельное нервное напряжение. Наконец-то привал. Но отдых не для всех – Антикайнен дает команду четырем бойцам-лыжникам выдвинуться на разведку. Впереди деревня Барышнаволоок – нужно изучить обстановку. Старшим назначен Хейкконен.

Тихонько пробираясь сквозь лесную чащу, группа Эйнари продвигалась вперед. Кружил снег – начиналась метель. Нужно провести разведку и успеть вернуться в отряд – вре-

мени немного. Лыжи пока оставляют след, но как только повалит снег и стемнеет, можно будет заблудиться.

Вскоре можно было видеть окраину деревни. Бойцы стали вести наблюдение. Матти и Калле выдвинулись осмотреть фланги, Эйнари оставался на месте, Суси влез на дерево, надеясь что-нибудь увидеть. Через сорок минут условились встретиться и возвращаться обратно.

Эйнари едва сдерживал волнение. За это время могло произойти все что угодно... Сколько белых в деревне – возможно, патрули совсем рядом.

– На, посмотри, может чего увидишь.

Суси потянул за веревку, Эйнари ослабил хватку, бинокль медленно поднимался ввысь. Карельская изба, женщина, баня, человек семь, совсем не похожих на крестьян, стоят у двора: «Так, где еще? Вот двое идут по заснеженной дороге. Итого, пока девять. Значит, белые есть. Эх, только бы Матти и Калле успели вернуться».

Прозвучал ружейный выстрел. Эйнари схватил свой автомат, снял с предохранителя и машинально оглянулся по сторонам. Суси буквально застыл на дереве. Если начнется перестрелка, то, скорее всего, придется отступить. Участь Суси была незавидной. Но вокруг вновь воцарилась тишина, а потом послышались веселые голоса. Эйнари держал в руках часы – Матти и Калле вот-вот должны были вернуться. Суси, словно огромная белка, проворно покинул свой наблюдательный пункт на дереве. Появился Калле, Матти не пришел – время тянулось медленно.

– Что будем делать, Эйнари? – не скрывая волнения, спросил Суси.

– Будем ждать, – тихо, но уверенно ответил Эйнари.

В Ленинградской пехотной школе Эйнари, помимо идеологии, усвоил нехитрые, но железные правила разведчиков. Он пытался сдерживать волнение, однако хорошо понимал, что с Матти может случиться все что угодно, или уже случилось – в команде соперников далеко не простачки. В принципе, любая случайность, мелочь... и разведчик обнаружен. В то же время в этих лесах шансы уйти от преследователей очень велики.

– Terve, terve³², – разведчики слышали знакомый голос Матти.

– Наконец-то, заждались мы тебя, – обрадовался Калле.

– Уходим, по дороге все расскажешь, – скомандовал Эйнари.

Маленькие снежинки становились все крупнее и гуще – ждали метель, а начался снегопад. Эйнари вспомнил, как в детстве любил этот мягкий и пушистый снег, как отец катал его на санках: «Как же тогда было хорошо – ни политики, ни войны».

– Матти, что видел?

– Обошел село слева, белых насчитал человек пятнадцать, оружия при них не видел, судя по всему, здесь они на отдыхе, у озера топится баня.

– Выстрел слышал?

– Да, слышал, но, по-моему, это стреляли для хохмы... веселые они.

– Может, «приняли» уже? – поинтересовался Суси.

– Похоже на то, – ответил Калле, – я видел всего троих, они шли по дороге в центр села, все без оружия.

– Суси, ты видел что-то интересное?

– Я...

Лыжа Суси уехала вперед, он остался в креплении, выглядело это комично.

– Самое время, – прокомментировал Калле.

Разведчики остановились, при хорошем раскладе минут пятнадцать – и крепление будет на месте, но где пятнадцать минут, там и полчаса.

– Матти, ты умеешь, верни крепления на место.

³² Здравствуйте, здравствуйте (*фин.*).

– Сейчас поглядим, что тут можно сделать, – отозвался Матти.

Время шло медленно, разведчики молчали, снегопад становился все сильнее, а короткий северный день давал меньше и меньше света.

Матти пытался наладить крепление, но у него это плохо получалось – руки замерзли, сказывалась усталость. Матти громко произнес несколько нецензурных слов на родном языке.

– Тише, тише, – сделал замечание Эйнари.

– Хорошо, буду молчать как налим.

Матти наконец-то справился.

– Terve, veljekset³³, – буквально в пятнадцати метрах выросли трое финнов.

Эйнари схватился за автомат, но было поздно. «Белофинны» держали в руках оружие, хотя в разведчиков не целились.

– Привет, ребята, вы куда? – спросил Калле.

– В Барышнаволоцкую.

– Мы как раз оттуда, – сказал Суси.

– Как там?

– Тихо! Едим, да спим, – рассмеялся Эйнари.

Финны приблизились к разведчикам – совсем молодые ребята, лет семнадцать-восемнадцать, добровольцы. Хейкконен и его товарищи интуитивно поняли, что нужно пока вести непринужденный диалог, а дальше действовать по ситуации. Оружие сейчас могло только навредить.

– Есть курить? – спросил Эйнари.

– Да, берите.

– Я Эйнари, это Суси, Калле и Матти.

– Меня зовут Тойво, – ответил, видимо, старший.

– Я Мартин.

– Эмиль, – сказал парень с пулеметом.

Эйнари украдкой посмотрел на Матти и перевел взгляд на свой нож, так чтобы товарищ понял. Завязался разговор.

Какие темы для разговора могут быть между двумя компаниями молодых парней, которые находятся далеко от дома? Бойцы из отряда Антикайнена совсем недавно покинули Финляндию, поэтому даже с каким-то интересом общались с «белофиннами», а Тойво, как оказалось, вообще земляк Матти, оба были из Виипури.

– В боях участвовали с «рютсся»? – спросил Эйнари.

– Нет, были в нескольких лыжных засадах, но с «рютсся» так и не сталкивались.

– А сейчас, наверное, Красная Армия замерзла и сидит по теплым берлогам словно карху³⁴, – заметил Калле.

– Да уж, главное – случайно не набрести на этого карху, – сказал Эмиль.

– Так вы, ребята, наверное, успели повоевать? – поинтересовался Тойво.

– Было немного, вот даже трофей есть, – сказал Эйнари, доставая банку с тушенкой.

Никто не заметил, как Матти напрягся.

– Давай, Эйнари, я открою банку.

Все произошло очень быстро. Тойво был ближе к Матти, а Эйнари – к Мартину. Жизнь Эмиля оказалась на несколько десятков секунд дольше, чем у товарищей, благодаря Калле.

– Эйнари, ты сдурел? – спросил Суси, который не участвовал в избиении, – их можно было взять в плен.

– Нам пленные не нужны, тем более сейчас.

³³ Привет, парни (фин.).

³⁴ Медведь (фин.).

– Калле, чего стоишь? Бери оружие! Матти, давай уберем здесь.

– Суси, лыжи и обувь! Суси, оглох, что ли?! – злобно прошипел Хейкконен и тут же осекся.

– Иди ты... – взгляд товарища выражал лютую ненависть.

Эйнари посмотрел на «белофиннов» – совсем юные лица. Ему стало не по себе. Они уже были в боях, брали штурмом поселки, отступали, несли потери, но сейчас...

Хейкконен все-таки взял себя в руки – их ждали в отряде. Скоро станет совсем темно, надо торопиться, чтобы сберечь собственные жизни. Суси по-прежнему отрешенно смотрел на все происходящее. В конце концов Эйнари всучил ему оружие «белофиннов».

Разведчики двинулись в путь. Уже по прибытии в отряд ребята начали осознать, что произошло. Вот они мирно беседуют с тремя финскими парнями, шутят о карельских девушках. Эйнари, Матти, Суси и Калле – как старшие братья для этих юнцов, которые не совсем представляли, что такое война, а самое паскудное – считали, что в лесу они встретили друзей и братьев-финнов. Эйнари многое отдал бы за то, чтобы эти финны попытались их взять в плен или начали стрелять. Было бы не столь гадко и противно, но вышло иначе. Тойво, Мартин и Эмиль просто общались на родном языке со своими «товарищами». Один шанс из тысячи встретиться в этих карельских лесах... Роковая случайность... Отклонись кто-либо метров на триста-пятьсот – и ничего бы не произошло.

Эйнари участвовал в боях, каждый день рисковал погибнуть – на войне закон простой. Он не убийца. Однако то, что случилось в лесу, иначе как убийством в самом прямом смысле этого слова не назовешь. Суси осознал это сразу.

За несколько лет жизни в Петрограде и учебы в Ленинградской пехотной школе Эйнари почти стал атеистом, но в эту ночь он искренне молился о загубленных ими душах...

Вот уже несколько минут Арво и Эйнари молча сидели друг против друга.

– О чем задумались, Эйнари? Жалеете, что вернулись назад в Финляндию?

– Нет, не жалею, – сказал Эйнари и сделал глоток кофе.

– В таком случае давайте вернемся к нашим задачам. Больше всего меня интересует сегодняшнее состояние Красной Армии. Готовы отвечать на вопросы?

– Готов.

Когда вечером Эйнари появился в своем убежище, его ждала Анна. Костик уже спал. Эйнари взглянул на жену.

– Эйнари, что дальше делать? – Анна умоляюще смотрела на мужа.

– Пока ждать. Мне обещают работу, но какое-то время будем находиться под наблюдением.

– А потом? Сколько этот карантин продлится?

– Не знаю. Одно хорошо – назад нас не отправят – остаемся в Финляндии.

– Как же Костик? Ему нужно ходить в школу.

– Меландер говорил, что позаботится об этом, только потребуется время.

Анна вовсе не собиралась «устраивать сцену». Просто она не могла просиживать без дела целыми днями.

– Ты бы спросил у этого своего Ларса, может, у его жены есть пряжа, нитки, спицы. Чего мне без дела сидеть.

Эйнари рассмеялся – у Анны было много достоинств, в том числе простота и непосредственность.

– Конечно, спрошу, только не знаю, есть ли у него жена.

– Так узнай! А может, у второго, который молодой.

– Лейно?

– Да, Лейно.

– Может, у него и есть! Хотя сама знаешь, это жители столицы...

– Ну так и мы не лыком шиты, в Петрозаводске жили, в Ленинграде, а прясть умеем.

– Что было, то было, только здесь нам скоро придется забыть, что мы из СССР.

– Ах, разве забудешь – мы с тобой Родину поменяли.

Эйнари не понравилась эта мысль, звучало как «променяли».

– Анна, ты же знаешь, почему мы убежали, и что могло произойти с нами, останься мы в СССР.

– Что сделано, то сделано, – согласилась Анна с мужем. – Как насчет работы? Кем тебя определят?

У Эйнари екнуло сердце. Он боялся признаться не только Анне, а и самому себе, что командир Красной Армии, пусть и вынужденно, будет сотрудничать с финской разведкой.

– Ларс сказал, что при Управлении много хозяйственных должностей. Физической работы я не боюсь, – соврал Эйнари, говорить правду язык не поворачивался. – Нужно, чтобы они меня видели, все-таки мы из Советского Союза.

– Тогда скажи им, что жена твоя тоже хочет работать. В Реболах я все делала, а в Петрозаводске работала учительницей. У Ларса есть дети?

– Я не спрашивал, но если и есть, то, судя по всему, нянька им не нужна.

– Нужна, не нужна, мне уже здесь сидеть надоело, по-фински я говорить умею, – немного сердито ответила Анна. – Тебя отпустят повидать родственников?

– Я думал об этом, но пока не спрашивал, в ближайшие полгода вряд ли.

– Ларс не говорил, сколько ты будешь получать? Нам же надо обустроиваться, ходить в магазин, покупать дом, квартиру... или как тут это все делается.

«Спасибо, Тойво, что взял меня в поход, и я встретил Анну. – Эйнари каждый раз влюблялся в свою жену. – Вот он карельский нрав, борцы за мельницу счастья Сампо. Будь у меня другая, наверное, распилила бы бедного Эйнари на мелкие чурочки, а этой работу подавай, жизнь устраивать надо».

– О жаловании пока не говорили, думаю, не обидят.

– Так спроси! У тебя жена, сын – нам деньги не помешают.

– Когда деньги мешали? – улыбнулся Эйнари.

– Здесь вообще как по заработкам? Сколько платят Лейно, например, он же капитан?

– Сколько получает Лейно, не спрашивал, а вот рабочий в доке имеет неплохую зарплату, – ответил Эйнари, а про себя отметил, что женское любопытство не знает границ.

– А здесь в магазинах все за деньги или по карточкам? Может, есть карточки специальные для военных?

– Вроде, нет, все за деньги.

– Деньги, деньги! Я ж их никуда не дела! – вспомнила Анна о рублях.

– Спрашивал у Ларса, нам позволят обменять их на финские марки.

– Только ты узнай сначала все как следует, чтобы рубли у нас не конфисковали.

– Рубли-то им на кой, они могут и марок напечатать, благо хвои на бумагу достаточно, – пошутил Эйнари.

– Как знать, что будет через пару лет, а деньги лучше держать про запас, – вкрадчиво сказала Анна.

– Привет, Лия, – весело поздоровалась Тарья, – чего грустим, нет сенсаций?

– «Папаша» велел раздобыть мне что-нибудь такое... Но что-нибудь такое происходит в Лондоне, Париже, в Риме, ну или на худой конец в Стокгольме, но только не в наших лесах.

– Я в курсе. Сегодня видела этих редакторов: и главного, и неглавного. Начальство ждет свершений.

– Вот и я о том же, но пока глухо. Звонила всем своим знакомым в парламент, правительство – общие темы, одни и те же персонажи.

– Всегда что-то происходит, просто мы об этом узнаем не сразу.

– Не сразу! А должны знать еще до того, как это произойдет. Тарья, кстати, у тебя, насколько мне известно, были неплохие связи в полиции, – Лия хитро посмотрела на Тарью. – Помнишь того парня, кажется, он откуда-то с севера?

– Ты имеешь в виду Арто? Приглянулся?

– Нет, нет, просто он занимает какую-то должность в полиции, и я почему-то о нем вспомнила.

– В полиции он не простой полицейский. Между нами, Арто служит в ЦСП.

– А-а-а, понятно, – безразлично ответила Лия.

– Ясно, он тебе понравился! Ты, кстати, ему тоже.

– Может! В нем что-то есть... – Лия начинала сдаваться.

– Для хорошей подруги ничего не жалко. Только давай поговорим об этом не в редакции.

– Хорошо, пойдем, прогуляемся.

– Я не очень афиширую свои знакомства, особенно среди полицейских и военных, но от тебя у меня почти нет секретов. Арто работает в ЦСП и порой задает мне вопросы, иногда сам что-то рассказывает, правда, далеко не все, – уже на улице Тарья сказала подруге.

– И... дальше?

– Так вот, несколько дней назад он спрашивал меня, не известно ли мне что-нибудь о советском перебежчике, русском офицере из Красной Армии, которым якобы занимается военная разведка.

– Очень необычно, – Лия тут же вспомнила Эрика с его драматическим рассказом о поездке в Кухмо.

– Необычно что?

– Да так! Есть одна идея, но ее нужно проверить.

– У тебя знакомые в военной разведке или в Генеральном штабе? Не утаивай! – Тарья вновь перешла на шутливый тон.

– В Генеральном штабе пока нет, а хотелось бы, – в тон ответила Лия.

– Может быть, тебе нужно поискать среди лиц более спокойных профессий и занятий? Эти военные, они, знаешь ли, такие...

– Какие? Расскажи, ты ведь у нас эксперт в некоторых вопросах.

– Эксперт, не эксперт, а все же старше тебя и могу знать больше.

– О, прости, я забыла, мы же не ровесницы, – Лия тоже знала, где можно слегка уколоть.

– Между прочим, недавно видела Тапио, он спрашивал о тебе. Лия, ты пользуешься популярностью.

– Тапио, Тапио! Ему наскучили юные красотки из университета или папенька урезал содержание, и он решил найти себе самостоятельную девушку?

– Ты не жалуешь Тапио. По-моему, он неплох.

– По-моему, тоже, только не для меня. Бабник и толстый.

– Не толстый, а упитанный, таким должен быть кавалер при деньгах. Разве нет?

– Ты такая мудрая женщина, – съязвила Лия.

– Кто бы говорил. Арто, кстати, холост, не упускай свой шанс.

– Мне нет дела до этого Арто, просто так поинтересовалась.

– Я тебе верю, Лия, – рассмеялась Тарья.

– Можно подумать, можно подумать, – Лия взглянула на подругу. – Почему ты одна? Все ждешь своего героя?

– Злая ты, Лия.

– Прости, сорвалось!

– Забыли! Давай вернемся к русскому шпиону! Какие идеи?

– Сказать пока нечего. Если у тебя что-то будет, сообщай мне, если у меня – сообщу тебе. Боюсь спугнуть удачу. Пойдем, выпьем кофе.

Девушки отправились в ближайшее кафе, не без удовольствия отмечая внимание мужчин.

– Думаете, этот русский имеет большее значение? – Арто Савандер поинтересовался у шефа.

– Пока не знаю, даже не знаю, есть ли вообще какой-то русский или, может быть, кому-то показалось.

– Если он в руках военной разведки, то чего опасаться? У нас своих забот хватает.

– Арто, вы еще очень молоды, хотя вам нельзя отказать в профессионализме. Вполне вероятно, – Эско на секунду задумался, – что никакой опасности нет. Но у нас не такая большая страна и не так много разведчиков, контрразведчиков – мы должны быть в курсе всего что происходит. Тем более, когда речь идет о безопасности Финляндии.

– Допустим, найдем какие-то зацепки, хотя, как вы понимаете, это не просто, выйдем на русского, а что дальше? Арестуем его или заберем к себе? – Арто не очень понимал цель поиска советского перебежчика.

– Арто, ваша задача, конкретно ваша, – подчеркнул Эско, – выйти на след русского офицера. Что будет дальше, пусть останется моей заботой. Тем более я не прошу бросить все дела и заниматься исключительно перебежчиком. Решайте это самостоятельно. У вас есть свои осведомители и информаторы, может, кто-то слышал или видел. Информацию будете предоставлять лично мне.

– Информаторы бывают разные, некоторые из них сами проявляют любопытство.

– Понимаю, особенно если этот информатор – женщина, красивая женщина... и журналист.

Арто почувствовал, как краснеет: «Откуда этот лис все знает?»

– Не переживайте на сей счет, я вас знаю не первый год. Хочешь получать информацию – делись информацией.

Риекки не стал говорить о том, что у него есть характеристики и досье на многих жителей Хельсинки и Финляндии. Тарья не исключение.

Эско сомневался, нужно ли устраивать бурю в стакане из-за русского перебежчика. Это был далеко не единственный беглец из СССР в Финляндию. Центральная сыскная полиция знала о нескольких десятках перебежчиков, причем некоторые были в ее распоряжении. Вполне логично, что у военных разведчиков будет «свой русский». Но Эско обдумывал, как этого русского будут использовать. Что это за человек, каков его опыт и знания, что за этим кроется? Может, опытный революционер-подпольщик, высокий офицерский чин Красной Армии. Не исключено, что этот русский не единственный. Хорошо, что военная разведка имеет свои секреты, но за последние несколько лет она становится все более и более самостоятельной.

«Все случайные вещи происходят в этом мире закономерно, – рассуждал Эско. – И Финляндия не исключение. Найдутся те, кто нас поддержит и с той и с другой стороны».

Эско стало не по себе от этой мысли. Моделировать историю – весьма увлекательное занятие за чашкой кофе, в компании приятных и умных собеседников. Другое дело, когда очень живо представляешь себе драматичные события прошлого и будущего. Финляндия однажды пережила ужас Гражданской войны. Кого как, а Эско, который хотя и был авантюристом, такая перспектива пугала. Возможно, он слишком заработался и стал подозревать всех – издержки профессии так сказать. Но кроме подозрений и умозаключений были голые факты. Почему в Финляндии не может произойти того, что произошло в Италии, Испании, Германии, на худой конец, в маленькой Хорватии с ее усташами³⁵. Эско не любил большевиков, но Гитлер и Муссолини вызывали у него не больше симпатий. В свое время этих «деятелей» воспринимали как хулиганов с улицы, ярых антикоммунистов, не более, сейчас – иначе. Почему в Финляндии не может быть переворота? За примерами далеко ходить не нужно, достаточно посмотреть на карту Европы. Хуже всего обстоят дела в Испании, где идет Гражданская война. Социалисты, анархисты, коммунисты со всего мира противостоят отрядам Франко, которых в свою очередь поддерживают Гитлер и Муссолини.

Эско никому не рассказывал, что опасается военного переворота в Финляндии и, как следствие, новой Гражданской войны. Его опасения были не на пустом месте – похищения политических деятелей, провокации, убийства левых, расправы с недовольными. История со Стольбергом с дальнейшими разбирательствами, казалось, должна была несколько отрезвить и охладить ультраправых, да и всех остальных сторонников «твердой руки»... Но, как выяснилось, совсем ненадолго.

Уже в феврале 1932 года боевики из отрядов Лапуаского движения атаковали митинг социал-демократов в Мянтсяля близ Хельсинки. Почти семь тысяч человек, многие из которых были вооружены, почувствовали себя силой – и, окрыленные «успехом», решили идти на Хельсинки, видимо, желая повторить успех Муссолини и вынудить правительство уйти в отставку. Правда, лидеры правых не учли погодного фактора, чем изрядно повеселили полицию. Устраивать шествия и митинги в Финляндии в феврале не самая лучшая идея – очень холодно. Однако, не прояви правительство политической воли, как знать, может появился бы свой «дуче» или «johtaja»³⁶ – желающих подвязаться на поприще европейских диктаторов в Финляндии достаточно. И опять не обошлось без военных.

Сейчас запрещенное Лапуаское движение сменило вывеску на Патриотическое, но идеи, люди и цели никуда не исчезли. У правых голова идет кругом. Они думают, что дубинками можно решить проблемы, создававшиеся десятилетиями. Возможно, силу нужно применять, но против кого? Дубинки хороши для хулиганов с улицы. Большинство социал-демократов и коммунистов – отнюдь не ограниченные идиоты, многие из них люди принципиальные, порядочные, да еще и смелые.

В дверь постучали. Эско отвлекся от своих мыслей. Вошел один из заместителей.

– Пауль, по своим каналам мне стало известно, что в Управлении военной разведки действительно содержат какого-то странного «посетителя». Может быть, это и есть тот, кого мы ищем.

– Хорошо, только никак не пойму, что в результате это нам даст. Мы же не собираемся конфликтовать с военной разведкой? – спросил Пауль.

Эско Риекки взглянул на своего зама – сегодня его второй раз спрашивают, зачем этот русский. Эско решил не отвечать сразу на вопрос и вслух продолжил свои размышления.

– Как думаете, наши правые, на счету которых полный набор – от хулиганских выходов до похищения экс-президента Стольберга – представляют угрозу национальной безопасности?

³⁵ Усташи – хорватская профашистская ультраправая организация.

³⁶ Вождь (фин.).

– Как сказать, – растерянно ответил зам, – Лапуаское движение радикальное, их руководство и те, кто за ним стоит, не без головы, но...

– Вот это «но» – самое опасное, – Эско перебил Пауля. – Приход к власти радикалов – это полбеда. У нас не Италия, не Испания, не Польша – у нас значительные территории и общая граница на тысячу километров с государством «рабочих и крестьян».

– И что? Сейчас, насколько мне известно, они тоже не очень жалуют наше «буржуазное» правительство.

– Но если в Хельсинки правые придут к власти и попробуют установить диктат, где-нибудь в Оулу несколько команд левых организуют сопротивление, не исключено, что даже вооруженное.

– Может быть, только промышленники и правительство отправят туда «ручных» штурмовиков, и вместе с полицией быстро успокоят социалистов, коммунистов и всех остальных, – возразил заместитель.

– Успокоят. Только боюсь, что все эти правые, лавочники, крестьяне, клерки вместе с их полоумными бабами, боготворящими фюрера, будут бежать до самого Стокгольма, когда начнется вооруженный конфликт.

– Вы так уверены в отрядах коммунистов?

– В отрядах коммунистов – нет, а вот в силе Красной Армии – да. Нападать с дубинками на левых деятелей, стоять против танков и артиллерии не одно и то же.

– Так говорите, Эско, как будто ваши симпатии на стороне левых и коммунистов.

– Ничего подобного, симпатии у меня на стороне Финляндии. Сейчас в нашей стране не так много коммунистов, еще меньше тех, кто симпатизирует Советам. Но если к власти, не дай Бог, придут поклонники Гитлера и Муссолини, наше общество разделится, и оплотом всех противников фашистов станут как раз таки левые. Живой пример – Испания.

– Да, в Испании сейчас жарко.

– Еще как жарко. В Испании сотни, если не тысячи, советских военных. И знаете, упрекать их не за что – они сражаются с фашистами.

– То есть, если где-то близ границ с Россией будет очаг сопротивления, Советы вступят в игру?

– Совершенно верно, тогда уже мало не покажется ни тем ни другим. Можно говорить о слабости СССР, но недостатка в оружии и добровольцах не будет.

– С другой стороны, у нас есть союзники.

– Вот именно, – громко сказал Эско, – с другой стороны, есть еще «союзники», которые подбросят дров, когда запылает.

– Угрозидо нас оказаться между молотом и наковальней. В Финляндии хватает и ультраправых, и коммунистов, при этом мы как-то ухитряемся оставаться демократической страной.

– Поэтому приходится лавировать. Когда я смотрю на восток, понимаю, что здесь слишком много левых – и не мешало бы часть из них выслать из страны. Когда смотрю на запад, мне кажется, что добрую половину лапуасцев с их друзьями из Генштаба нужно засадить в тюрьму, хотя бы на время.

– Эско, вы циник и проходимец, – рассмеялся Пауль.

– Не отрицаю, но именно так мы обеспечиваем политическую стабильность и безопасность.

– Не стану спорить, но при чем здесь русский?

Эско, видимо, ждал этого вопроса, и вовсе не потому, что хотел быть лидером в данной полемике. Все гораздо проще – он уже несколько раз задавал себе вопрос, стоит ли игра свеч. Дело не только в русском – Эско видел проблему гораздо шире.

– Русский здесь ни при чем, но он нам очень нужен.

- Очень интересный ответ, все сразу стало на свои места, – улыбнулся заместитель.
- Вам известно, что мы не очень ладим с военной разведкой, по причине здоровой, и не очень, конкуренции между двумя, так сказать...
- Предприятиями?
- Точно подмечено, – подхватил Эско. – Но помимо этого военные, Генштаб и разведка меня сильно настораживают, порой даже пугают.
- Хотите нанести предупреждающий удар?
- Слишком громко сказано, однако после истории с лапуасцами эта борьба вышла на новый уровень. Мы стремимся взять под контроль правых.
- Вы делаете ставку на русского?
- Не совсем. В первую очередь я боюсь, что «вояки» могут использовать русского и вернуть что-нибудь вместе с правыми. Мы были свидетелями весьма смелых попыток среди правых прийти к власти. Они уже использовали метод политического шантажа и запугивания, доходило до убийств, верно?
- Развивайте свою мысль далее, – Пауль начинал уставать от Эско.
- А история со Стольбергом. Куда шли следы? Правильно – в Генштаб и военную разведку. Причем все участники отделались, прямо сказать, легким испугом. Затем на какое-то время эти «рыцари» успокоились. Уже через пару лет состоялся марш на Хельсинки. Правых вовремя остановили. Вихтори Косола³⁷ умер, но патриотическое движение живет.
- Эско, вы идете от частного к общему или наоборот, я уже не понимаю.
- А зачем понимать, если нам известны факты? Гитлер поджег Рейхстаг – свалили вину на коммунистов. Помните, чем все закончилось? Гитлер получил чрезвычайные полномочия.
- Но у нас нет ни Гитлера, ни Рейхстага.
- Зато у нас достаточно лапуасцев и радикалов.
- Эско! Раскрывайте карты, – не выдержал Пауль.
- Раскрывать нечего. Я не знаю еще, что там за русский. Не исключаю, что его могут использовать для создания якобы «левой» организации, в которую втянут других русских, в том числе перебежчиков. С их помощью устроят провокации, дальше обществу представят страшных «коммунистов» с востока, избитых какими-нибудь нашими «патриотами» – и кто-то вновь устроит второе Мянтсяля. Толпа будет рукоплескать.
- В теории звучит неплохо, но у нас хватает своих горячих парней.
- Хватает! Только повторяю, мы не знаем, что там за русский. Может быть, им нужна серьезная конструкция, а не банда штурмовиков-хулиганов. Допускаю, что большая часть наших социалистов – люди мирные и первыми в драку не полезут, тем более они все же финны. А русский коммунист, из Советского Союза, с боевой дружиной, действующей подпольно в Хельсинки – согласитесь, сильный ход. Тем более русского можно представить кем угодно – лидером большевиков, офицером «красной» разведки, сотрудником НКВД.
- Все же звучит не очень убедительно, Эско.
- Конечно, как и то, что похищение Стольберга – это невинная шутка хмельных офицеров. Русского могут использовать для совершения преступлений и провокаций против членов правительства, парламента и президента.
- Вы кругом видите только негатив.
- Такова профессия. А что мешает под руководством русского устроить какие-то беспорядки в Хельсинки, вплоть до уличных боев, а потом вывести «наших-своих» штурмовиков, навести порядок, попутно взяв власть в свои руки. Дуче Муссолини действовал примерно так.

³⁷ Вихтори Косола – родился в 1884 г., боролся за независимость Финляндии еще до революции 1917 года, отбывал срок в Санкт-Петербурге, участвовал в Гражданской войне. Лидер и основатель Лапуаского движения, после запрета которого основал Патриотическое народное движение.

– А если не получится?

– Вот вы сами и ответили на свой вопрос. А если не получится, ни штурмовики, ни военные, ни лапуасцы, ни промышленные бонзы, ни политики ни при чем. Всех собак навесят на русского коммуниста. Далее, в зависимости от сценария, его предадут суду здесь, дадут возможность бежать из страны или... У нас громадные лесные просторы, где запросто может затеряться любой человек.

– Мудрено как-то получается.

– Не мудренее, чем похищение Стольберга. Организаторы на свободе, а один из соучастников, как я помню, его звали Варома, умер в тюрьме.

– Полагаете, что русский нужен военной разведке для подобных мероприятий? Не думаю, что Маннергейму, который возглавляет Совет обороны, эти идеи придутся по душе.

– Маннергейм – человек мудрый, но вы же понимаете, что за всем не уследишь, к тому же он отсутствовал некоторое время. В Генштабе, в военной разведке далеко не все рады возвращению старика. Но, соглашусь, все может обстоять иначе, и у них просто появился русский перебежчик. Однако военную разведку надо немного...

– Причесать?

– Да, держать в тонусе.

– Русский в этом случае не причина, а повод?

– Возможно, – не совсем уверенно сказал Эско. – Мы хотим самостоятельно выследить и изобличить русского, получить от него признательные показания, а там посмотрим, что он скажет. Или это будет наш совместный с Меландером трофей. В любом случае, нам важно, чтобы все в Финляндии понимали, в том числе и военная разведка, что ЦСП знает все и может все – и никаких маршей, похищений и прочих фокусов, пусть даже через третьи руки.

– Эско, вы говорите как будто собственник Финляндии, а русский вам нужен для того, чтобы утереть нос военным.

– Нет, Финляндия – мой дом. Мы не для того потеряли уйму народа в Гражданскую войну, чтобы какие-то проходимцы и фанатики устраивали тут Третий рейх или Третий интернационал. У нас лес и демократия.

– И русский перебежчик... – добавил Пауль.

Эйнари уже немного свyksа с ролью сотрудника военной разведки. В целях конфиденциальности он теперь реже появлялся в здании Управления военной разведки. Меландер «организовал» ему небольшой домик в пригороде Хельсинки, где Хейкконен жил вместе с женой и сыном. Три сотрудника службы военной разведки, прикомандированные из Оулу, по очереди вели наблюдение за домиком, сменяя друг друга. О том, что Эйнари прибыл из России, они, разумеется, не знали. Для самого Хейкконена это было как бы инкубационным периодом. Пока ему и его близким запрещалось покидать свое жилище. Все необходимое им доставляли сотрудники военной разведки.

В ходе одной из бесед Арво сообщил, что в ближайшее время, правда, не уточнил, в какое, Эйнари и членам его семьи разрешат свободно передвигаться по Хельсинки. Анна-Мария, скорее всего, будет домохозяйкой, а сына определят в гимназию. Последний вопрос несколько раз обсуждался. Константин учился в Карелии и на русском, и на финском. Сначала его хотели определить в русскую гимназию, однако быстро сообразили, что это привлечет внимание, поэтому Арво уже хлопотал, чтобы Константина приняли в одну из городских школ. По легенде он – сын провинциалов-карел, прибывших в Хельсинки в поисках работы. Конечно, понадобится время, чтобы влиться в новый школьный коллектив, но особых вопросов происхождения Константина Хейкконена вызывать не должно.

Постепенно Эйнари зарабатывал кредит доверия. Жизнь на новом месте, пусть даже в такой вот ограниченной форме, налаживалась. Это куда лучше, чем отправиться на строительство Беломорско-Балтийского канала, в Карагандинский лагерь или на Колыму, не говоря уже о расстреле.

Анна, Костик, да и сам Эйнари не без удовольствия отмечали, что новый домик им очень нравился, намного больше, чем тесная квартирка в Петрозаводске. А гастрономическое изобилие вообще не поддавалось никакому сравнению. За время, которое они находились в Финляндии, Эйнари и Анна уже начинали привыкать пить кофе каждый день, что в их советской жизни было просто немыслимо.

Когда они прибыли в Финляндию, Эйнари сдерживал себя как мог – уж очень он хотел отправиться в родные места, в Терво, в провинцию Северное Саво, и отыскать близких. Живы ли они еще там, Эйнари не знал. Он понимал, что вряд ли сейчас возможна поездка, разве что инкогнито, но все же обратился к Арво с просьбой навести справки о родных.

Для себя Эйнари уже решил, что рано или поздно все-таки появится в Терво. Хотелось вновь обрести Родину. Каждый раз, когда Хейкконен представлял момент своего возвращения, его охватывало волнение. Воспоминания о детстве и юности щемили сердце. Неужели он сможет обнять отца, мать, сестру? Если встреча состоится, это будет сродни воскрешению. Они простились в феврале 1918 года...

За все время жизни в СССР Эйнари искренне скучал по Родине, но круговорот событий Гражданской войны, борьба с контрреволюцией и решение элементарных вопросов выживания оставляли мало времени для сентиментальных раздумий. Время ставило все новые и новые задачи. Появилась Анна, внимание было переключено на жену, потом на ребенка... В глубине души Эйнари все-таки надеялся, что сможет побывать дома.

– Дайте мне газету с объявлениями, – сказал мужчина, передавая деньги продавщице, – сдачи не нужно.

По всей видимости, в средствах этот человек стеснен не был: дорогое пальто, уверенная походка и красивая улыбка, которая не сходила с его лица, свидетельствовали о том, что он доволен жизнью. Его интересовало буквально все в Хельсинки. Однако для начала мужчина решил приобрести дом где-нибудь в пригороде и автомобиль.

Тахво Мяки прибыл в столицу Финляндии всего лишь несколько дней назад и еще не решил, чем будет заниматься. В голове крутились самые разные идеи —от экспорта леса в Европу до импорта сигар в Финляндию. Главное, чтобы это было законно, без какого-либо намека на криминал. Деньгами Тахво располагал немаленькими, по крайней мере, по меркам Суоми. Однако сам себя богачом не считал, а количество денег никогда не отождествлял со счастьем, в том числе и потому, что в своей жизни он видел необыкновенную роскошь и ужасную нищету, успел побывать в нескольких частях света и не раз заигрывал с законом. Впрочем, в тех кругах, где ему приходилось вращаться, подобная биография, скорее, была правилом, нежели исключением.

Тахво нравилось в Хельсинки, однако он не был до конца уверен, что останется здесь навсегда. Столичные финны казались ему такими неторопливыми, даже медлительными. Когда он впервые побывал в Хельсинки, было ощущение, что здесь, в этом «огромном» городе, кипит жизнь, в отличие от «лесной» Финляндии. Сейчас все наоборот – это и не мудрено, ведь последние два года Тахво прожил в Чикаго, а еще до этого жил в Гонконге, Рио, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Почти двадцать лет он провел на чужбине, но ничуть не переживал, что в свое время Родина не оставила ему выбора.

Тахво не мог дать вразумительного ответа, зачем и почему он решил ехать в Финляндию. Однажды Мяки посетил штат Мэн, который напомнил ему родную Суоми. Какой-то огонек зажегся тогда в сердце – так захотелось побывать в родных краях, а потом возникла мысль вернуться в Финляндию навсегда.

Лет десять после того, как Тахво бежал из Финляндии зимой 1918 года, он вообще и не задумывался о возвращении. Тогда красногвардейцы потерпели поражение. Мяки попытался было уйти в Питер, но его маленький отряд попросту не смог пробиться к основным силам и морем отправиться в Советскую Россию. Опасаясь разделить судьбу многих красногвардейцев, юный революционер несколько недель «мотылялся» по Финляндии, потом узнал, что в Швеции принимают беженцев и нелегально проник в страну. Пробыв там два месяца, Тахво решил, что оставаться в Швеции небезопасно. Как знать, может быть, в какой-то момент шведы начнут выдавать всех беженцев и коммунистов финским властям. Как поступали «белофинны» с финнами-красногвардейцами, Тахво знал не только по событиям в Хуруслахти. Недолго раздумывая, полагаясь на молодость и силу, он завербовался матросом на шведское судно. Его «гонораром», если можно так сказать, был бесплатный проезд в Америку и питание в течение всего «путешествия».

Уже весной 1919 года Тахво Мяки оказался в Бостоне. В Швеции его земляки-финны подсказали несколько адресов коммунистов, у которых можно было попросить помощи. Естественно, по прибытии в «штаты» Тахво так и сделал. Американские финны действительно помогли ему устроить жизнь первое время, тем более в их глазах Мяки был героем – он сражался за то, о чем финны-коммунисты только рассуждали, собираясь в своих уютных домиках за тысячи километров от Финляндии.

Вначале американская жизнь нравилась Тахво, но он ловил себя на мысли, что после ужасов Гражданской войны ему нравилось абсолютно все и везде. Глядя на общество, погружавшееся в эпоху «просперити», Тахво постепенно отходил от коммунистических идей. Не то, чтобы его манила американская мечта или он хотел стать миллионером, нет. Просто наскучили идеи равенства и коммунистического благоденствия в отдаленной перспективе – хотелось жить здесь и сейчас, однако это было не так-то легко.

Мяки работал обыкновенным докером в Бостоне и как простой рабочий получал незначительное жалованье. Затем он хотел попытать счастья в Нью-Йорке, но жизнь в самом богатом городе мира диктовала свои законы и правила. Тахво сумел устроиться строителем, стал зарабатывать больше, но вскоре обнаружил, что его жалованья хватает лишь на оплату жилья и еду – типичная ситуация для эмигранта.

В какой-то момент Мяки остался без работы. Он не был лодырем или слабаком, напротив – ему присущи трудолюбие и упрямство. Но глядя на роскошные магазины, богатые дома, дорогие автомобили и красиво одетых девушек, Тахво ощущал свою никчемность и испытывал разочарование. В его возрасте почти все максималисты —кажется, что в этом мире все должно быть для тебя.

Война, в которой Тахво успел поучаствовать, уже не так будоражила сознание. Он хотел жить иначе, чем ему предлагала судьба. Надо было что-то делать. Тахво знал десятки историй, как рядовые американцы становились миллионерами, развивая свое дело. Но никакого дела у Тахво не было, да и идей, собственно, тоже. Однако каждый день перед собой он видел тысячи примеров того, как люди разного цвета кожи, разных национальностей – китайцы, итальянцы, русские, поляки, немцы – с утра до ночи трудились на заводах, в доках, на стройках, и лишь немногие из них могли позволить себе какие-то излишества.

Уже через полтора месяца после творческих поисков Тахво Мяки понял, что денег у него почти нет, а найти хорошую работу даже в большом городе оказалось не таким уж простым занятием. Тогда в одном из нью-йоркских пабов, разговаривая с такими же «джентльменами», он узнал, что можно пройти отбор в армию. Тахво эта идея показалась заманчивой.

В Америке у него не было ни родственников, ни близких, попытки как-то устроить личную жизнь тоже не увенчались успехом. Как раз для армии сильный и выносливый Тахво вполне годился. Очень скоро Мяки оказался в отряде морской пехоты. Здесь молодой финн показал себя самым лучшим образом. Он значительно превосходил остальных новобранцев по уровню подготовки. Командиры быстро отметили способности белокурого юнца, а за имя Тахво прозвали «вождем», уж больно оно звучало на индейский манер.

Мяки, будучи солдатом американской армии, заметил, что страсти Гражданской войны постепенно окрасились в серый цвет, и со временем стал воспринимать события в Финляндии не столь болезненно. К тому же в его жизни явно не хватало авантюры. Служба в армии отчасти это компенсировала, но лишь отчасти. Поэтому, когда стали отбирать солдат для отправки в Доминикану, где американцы должны были участвовать еще в одном эпизоде «банановых войн», охраняя американских дельцов, Мяки сам вызвался добровольцем. Начальство не возражало – Тахво быстро бегал, хорошо стрелял оружием и не задавал много вопросов.

В Доминикане Мяки подружился с парнем по имени Освальд, который еще мальчишкой переехал с родителями из Швеции в США. Возможно, финн и швед так и остались бы просто приятелями, товарищами по службе, но 17 января 1920 года в Штатах была принята 18-я поправка к Конституции – все спиртные напитки крепче полградуса объявлялись вне закона. Производство и продажу алкоголя на территории США запретили.

Наступала эра бутлегеров и самогонщиков. Ром из сахарного тростника, привезенный из Доминиканы, стоил больших денег. Проблема заключалась только в том, что его перевозка теперь считалась контрабандой. Но спрос рождает предложение. Американские морские пехотинцы, расквартированные в форте Осама, столице Сан-Доминго, иногда сопровождали гражданские грузы. Во время отправки небольшого судна из Сан-Доминго в США Освальд и Тахво обнаружили несколько ящиков с ромом, припрятанных среди тонн фруктов. Находка была сюрпризом. Освальд поначалу хотел поднять шум, но потом решил поговорить со шкипером с глазу на глаз. Беседа продолжалась недолго – три американских доллара за каждую бутылку. Шкипер заявил, что это многовато. Освальд не стал вступать в дискуссию, лишь заметил, что их двое, и он не хочет обижать товарища. Сошлись на двух долларах. Вечером Освальд отдал Тахво двести американских долларов. Молодой финн недоумевал, и хотел было отказаться, но Освальд настоял.

Аппетит, как известно, приходит во время еды. Тахво и Освальд маленькими шажками втянулись в международную алкогольную цепочку. Угрызения совести прошли быстро – сотни людей в США гибли от суррогата, а они поставляют американцам качественный алкоголь. Что плохого в том, что парни исправляют ошибки политиков и демагогов. Выпивки в Доминикане с избытком – и это несправедливо, что их сограждане не имеют такого удовольствия. Одним словом, придумывалась масса оправданий. Самым оригинальным было то, что отсутствие алкоголя на прилавках пагубно сказывается на прибывающих в страну мигрантах, которые привыкли к качественной выпивке – и это еще больше усиливает их тоску по Родине, доводя бедняг до суицида. Очень скоро предприимчивые «морпехи» помогали доставать алкоголь для таких же «дельцов» с гражданских и военных судов. В Доминикане ром, виски, вино не были под запретом и тем более не ассоциировались с преступлением.

Тем временем в алкогольную орбиту втягивалось все больше и больше американцев. Борьба с мафией и бутлегерами, уничтожение тысяч литров алкоголя лишь повышали ставки в игре. Тахво предложил Освальду «выходить на международный рынок и создать совместное предприятие». Молодые «бизнесмены» стали отправлять продукцию в США исключительно своим землякам. Шведы и финны были надежными покупателями, тем более что спрос опережал предложение. Небольшой ручеек в алкогольных реках приносил солидный доход. Из заграничной командировки в Доминикану Тахво и Освальд вернулись состоятельными людьми, имея достаточно средств, чтобы начать легальный бизнес.

Теперь Тахво прибыл на свою первую Родину с большими планами, большими деньгами, американским паспортом в кармане и надеждой в сердце.

- Арто, привет! У меня для тебя новости. Сможем встретиться?
- Да, Тарья, конечно. Когда?
- Давай сегодня в шесть на старом месте.
- Хорошо, тогда до встречи, – поспешил закончить разговор Арто.

Они были в прекрасных дружеских отношениях с Тарьей. Ему нравилась компания этой красивой и умной девушки.

Арто и Тарья уже общались по поводу русского шпиона. Молодой человек рассказал о том, что ему известно. Тарья в свою очередь разговаривала на эту тему с Лией. Теперь она хотела поведать Арто историю о том, как Вилье, брат Эрика, видел русского диверсанта в Кайнуу и как его в спешном порядке увозили на автомобиле в Хельсинки.

Небольшой ресторанчик в центре Хельсинки был полупустым. Среди посетителей выделялся коренастый мужчина с сигарой, листавший страницы газет. Арто, как обычно, пришел заранее, Тарья опаздывала. Когда она вошла в холл, мужчина за столиком поднял глаза. Сердце его тревожно забилося.

«Так ведь я вернулся на Родину, наверное, и поэтому тоже. Не все же время мне быть одному. Смелее, старик, хватай лису за хвост... Довольно оставлять шанс другим, чего стесняешься», – Тахво словно хищник приготовился к «прыжку».

Тарья легко прошла мимо столика с одиноким мужчиной, едва удостоив его внимания. Арто помахал девушке рукой.

Спустя несколько минут на столе Тахво уже стояло дорогое крепкое вино – и он старался не думать о красивой женщине с голубыми глазами.

- Тарья, рад тебя видеть, – Арто поднялся со своего места.
- Гуд ивнинг, господин лейтенант.
- Поужинаем, выпьем? – предложил Арто.
- Почему бы и нет! Очень надеюсь, что нам не припишут роман после такой вот встречи.
- Здесь редко бывают лица наших профессий, – рассмеялся Арто, – хотя Хельсинки – это большая деревня.

Тарья и Арто сделали заказ.

- Какие новости? Ты меня заинтриговала.
- Это часть моей работы.
- По-моему, это часть твоего образа, Тарья, – в тон ответил Арто.
- Ты знаешь Лию?
- Конечно, это твоя подруга, вы коллеги, – мужчина не подавал виду, но он явно хотел поговорить о Лие.
- Лия тоже ищет русского перебежчика.
- Вот как! А она в этом деле с какой стороны?
- Журналисты, как сыщики, существуют для того, чтобы впутываться в любые мало-мальски стоящие авантюры.
- Точно подмечено, но, вроде, это не совсем ее профиль.
- Ошибаешься, наш профиль – держать нос по ветру, и тогда появится интересный материал.
- Рассказывай, что знаешь.
- Арто, какой ты нетерпеливый. В общем, у Лии есть приятель Эрик, даже не приятель, а так знакомый таксист.

– Замечательно. Эрик на досуге выследил русского шпиона?

– Не перебивай. Как-то Эрик, видимо, желая поближе пообщаться с Лией, пересказал ей то, что видел его брат Вилье, который служит в пограничной охране в Кайнуу. Так вот, этот Вилье поведал о русском шпионе, якобы задержанном в Кухмо. Может, это все выдумки Эрика, да только произошло все недели за две до того, как ты мне рассказал, что вы ищите русского перебежчика, который, наверное, попал в руки военной разведки. Понимаешь?

Арто задумался о совпадении.

– Когда Лия видела Эрика, вернее, слышала от него эту историю?

– В начале октября.

«Так, – сопоставил факты Арто, – в десятых числах октября начальник ЦСП поручил, в том числе и мне, что-нибудь выяснить о советском перебежчике».

– Тарья, вполне вероятно, это тот, кого мы ищем. Значит, его увезли в Хельсинки военные?

– Не только его. С ним была женщина и ребенок. Ты же знаешь, журналистов, как и сыщиков, всегда интересуют детали.

– Поворот... давай, выпьем, Тарья, за нашу встречу!

– Давно пора, – согласилась Тарья, – но сначала расскажешь о том, что тебе известно. Или ты думал, что от меня можно так легко отделаться?

– Я же тебя знаю! Как сказал один из моих начальников, действительно есть информация, что в Управление военной разведки попал какой-то важный то ли шпион, то ли диверсант, то ли перебежчик. Рассказ Эрика вполне правдоподобен.

– Интересная получается мозаика! Теперь точно можно выпить, – весело сказала Тарья.

«Значит, Питкянен был прав, – анализировал информацию Эско Риекки после того, как Арто пересказал ему историю таксиста Эрика о необычном русском диверсанта с женой и ребенком. – Ясное дело, это не диверсант – диверсанты с семьей не ходят. Значит, перебежчик, уставший от «социалистического завтра» или ушедший от наказания. Только почему в такой глуши как Кухмо? В тех краях можно долго бродить и вновь выйти назад. Может быть, он местный житель? Тоже версия. Но стали бы местным жителем заниматься на таком уровне? Сам Меландер, машины военной разведки, атмосфера строжайшей тайны... Слишком закручено для простого карельского парня. Предположим, пограничник, начальник заставы или комендатуры? Маловероятно, чтобы он решился на побег. Хорошо, пусть русский перебежчик и какой-то важный гражданский или военный чин. Сейчас он в руках военной разведки, с ним жена и ребенок. Не исключено, что его поместили в тюрьму. Снова жена и ребенок? Им должны предоставить какое-то пристанище. У нас есть русские гимназии, русские общины. Но это смешно, чтобы мальчика, прибывшего из России таким вот способом, уже определили в гимназию, тем более русскую. Ладно, пусть Арто копает. Может, кто-то из тайных агентов или информаторов даст зацепку. В конце концов, кроме советского перебежчика есть уйма дел».

– Какие будут указания, господин полковник? – спросил Кярккяйнен у Ларса Меландера.

– Что вы имеете в виду, майор?

– Какие у нас планы на Эйнари?

– У меня, если честно, нет никаких планов. Пока будем вытаскивать из него информацию, потом посмотрим. Может быть, он будет полезен в диверсионной школе.

– Точно подмечено – «вытаскивать информацию», упрямый тип, нужно сказать.

- Чему удивляться, Арво? Он же финн, финн-коммунист, – Меландер рассмеялся.
- Вы говорили о Розенстреме³⁸, хотите ввести его в курс дела?
- Думаю, он уже в курсе. Розенстрем – один из лучших разведчиков Финляндии, а то и всей Европы.
- Что есть, то есть, но мне кажется, не стоит передавать Эйнари под руководство Розенстрема.
- Это почему же?
- Все мы в той или иной степени авантюристы, иначе бы не работали в разведке.
- Интересная мысль, майор! То есть хотите сказать, что все мы здесь немного того, – Меландер опять рассмеялся.
- В общем-то, да, – Арво немного смутился, – впрочем, это не проблема, это профессиональное.
- Ничего не имею против данного высказывания.
- Так вот, Розенстрем, знаете ли, внушает мне порой опасения.
- Хотите сказать, что он окончательно поехавший?
- Да! С вашего ведома или без вашего ведома Розенстрем придумает что-нибудь такое, в результате чего Эйнари вновь окажется в СССР или возглавит здесь местных коммунистов.
- Вы боитесь Розенстрема?
- Ну, самого Густава я, конечно, не боюсь. Однако его связи с правыми, с лапуасцами... Все это может плохо закончиться.
- В таком случае, зачем им Эйнари?
- Эйнари – очень удобный инструмент. Его можно использовать по-разному. Коммунист-террорист появился в Финляндии, совершил какое-нибудь преступление, например, убил члена парламента, пытался устроить государственный переворот, создал боевую группу из бывших красногвардейцев, изобличен военными разведчиками или правыми.
- Его могут сделать козлом отпущения?
- И не только! Он может стать козлом-провокатором.
- Известно, что Розенстрем – большой мастер по части провокаций, диверсий, разоблачений. Но тогда, в двадцатые годы, отношения с СССР были натянуты. Сейчас мало кому придет в голову совершать налет на советское посольство или торгпредство.
- Возможно, да только ежа не острижешь.
- Что предлагаете, Арво?
- Думаю, стоит рассказать Розенстрему о существовании перебежчика, намекнув, что русский уже закреплен за отделом статистики, и не стоит в отношении него вынашивать какие-либо планы.
- Хотите таким образом огородить Эйнари от опасности со стороны наших же разведчиков?
- Можно и так сказать. Чувствую, что он нам еще очень пригодится.
- Как военный специалист?
- В Европе спокойно, большие игроки идут к большой войне.
- Разумеется, но мы здесь в лесах Европы мало кому интересны. Беспокоиться следует чехам, полякам, французам. Из серьезных границ у нас только одна – с Советским Союзом, и, как я могу судить, им не до Финляндии.
- Не знаю, не знаю, господин полковник. Наш договор с Советами о ненападении заключен еще в тридцать втором году, а три года назад он продлен на десять лет. Однако в конкретных случаях подобные договоры остаются только на бумаге.

³⁸ Густав Розенстрем – офицер финской разведки, один из лучших сотрудников европейских спецслужб. Активно создавал шпионскую сеть в СССР, в том числе группы агентов для совершения диверсий в Советской России.

– Интересно рассуждаете, Арво. По-вашему, мы будем воевать с русскими?

– Очень бы не хотелось, но судя по тому, что творится в мире, войну я не исключаю. Италия напала на Эфиопию, немецкие войска уже в Рейнской демилитаризованной зоне. Потом этот антикоминтерновский пакт немцев и японцев³⁹. Англия и Франция почему-то делают вид, что в Европе ничего не происходит. Все пытаются перехитрить друг друга и остаться в стороне в случае начала войны. Советы, думаю, не без злорадства смотрели бы, как Англия и Франция выступят против Германии. Немцы, памятуя опыт прошлой войны, наблюдают, где может начаться столкновение между Москвой и Лондоном, вторую Антанту им не пережить. Ну а французы с англичанами, понятное дело, ждут, когда диктаторы Европы начнут грызть друг друга глотки. Очень печально, что демократы Европы не замечают, как фашисты дружно уничтожают Республику в Испании.

– За которую сражаются романтики, анархисты и советские солдаты, – прокомментировал Меландер.

– Да, это немного странно. В Испании сейчас своего рода репетиция того, что может произойти. Не очень завидую Польше, Чехословакии: им достанется в первую очередь.

– А Финляндия? – полюбопытствовал Ларс.

– Если война перенесется в Скандинавию, то и нам не поздоровится. Вот тут, как говорят русские, и зарыта собака. У нас не самые лучшие отношения с СССР, но неплохие с Германией. Однако мы не мыслим себя в коалиции против Англии и Франции, верно?

– Вы говорите просто и понятно, Арво. По-вашему, кто-то начнет военные действия на нашей земле?

– Хотите знать мое мнение? Да! – резко ответил Кярккяйнен.

– Как это может выглядеть? – Меландер изменился в лице.

– На мой взгляд, «финляндскую» карту еще могут разыграть. Советскому Союзу, как известно, стоит поперек горла граница в тридцать километрах от Ленинграда. Всеми правдами и неправдами Советы рано или поздно захотят решить этот вопрос. Если СССР нападает на Финляндию, то Германия станет ждать реакции Британии и Франции, которые должны будут выступить против России из соображений европейской безопасности. Германия вряд ли как-то поддержит Финляндию. Такой вариант возможен, господин полковник?

– Глядя на то, что происходит в Европе, вполне возможно.

– Я тоже так думаю! Только Англия и Франция, скорее всего, не выступят против Советов, чтобы защитить финнов – и не только потому, что каждый сам за себя, а в том числе и потому, что прекрасно понимают, как будут действовать немцы.

– Разделяются с измотанным победителем?

– Или сильно его пощиплют.

– Финляндия остается один на один с русским медведем? – Меландер озвучил свои опасения.

– И боюсь, военных мощностей у нас против СССР хватит ненадолго.

– Пессимистичный сценарий.

– Наиболее вероятный, хотя не единственный.

– То есть могут быть другие варианты? – оживился Меландер.

– Конечно, Германия очень сильно зависит от шведских рудников. Может быть, немцы оккупируют Швецию. При всем уважении, шведская армия не представляет больших проблем для Вермахта. В этом случае немецкие войска могут расположиться почти на финской территории. Мы, так или иначе, окажемся втянутыми в вооруженный конфликт.

³⁹ Японо-германское соглашение по совместной борьбе с коммунизмом, дата заключения – 25 ноября 1936 г., носило антисоветский характер, позже к нему присоединилась Италия.

– Придется просить помощи у Советов. Сейчас из всех стран с фашистами реально борется только Россия, пусть и на далекой испанской земле.

– Почему бы и нет? Ни для кого не секрет, что Гитлер, Муссолини, японцы не скрывают своей ненависти к СССР. В Советской России с каждой трибуны кричат, что главные враги СССР – Германия и Италия. Поэтому помощь Советского Союза скандинавским странам будет выглядеть логично не столько из соображений международной, сколько из соображений собственной безопасности. Плюс в процессе борьбы всегда можно привести к власти «своих» людей – и вот вам дружественное государство или даже еще одна республика в дружной семье Советов. Конечно, это лишь варианты. Может случиться так, что Гитлер и Сталин вдруг пожмут друг другу руки – и начнут делить сферы влияния. Однако такое уж совсем маловероятно.

– А вариант военного союза Германии и Финляндии против СССР не рассматриваете?

– Немцы будут ждать, что в этой войне, если таковая случится, на стороне Финляндии выступят Англия и Франция. Гитлер не гуманист, для него это будет наилучший сценарий.

– Вернемся к Эйнари. Значит, в ближайшем будущем нам очень пригодится русский офицер, если мы будем воевать против России и если выступим с Россией против немцев?

– Да, именно так. Русский, конечно, не изменит ход войны, но будет весьма полезен, поэтому лучше держать его подальше от всех этих приключений и шпионских игр.

– Кстати, когда состоится ваша новая встреча? – поинтересовался Меландер.

– Уже завтра! Предстоит серьезный разговор о вооружении Красной Армии.

– Желаю удачи! Эйнари – сложный персонаж.

Он смотрел на нее, раскрыв рот. Хотелось что-то сказать, но парень мало понимал на испанском, а говорить мог еще меньше. Взгляд девушки, спадающие на плечи волосы, глаза, даже не карие, а почти черные...

«Так, наверное, выглядела Кармен», – подумал боец.

Женщина улыбнулась.

– Buenos días – первое и единственное, что пришло ему в голову.

– Hola, – ответила женщина и снова улыбнулась.

Тимо замешкался – словарный запас был на исходе. Его окликнули товарищи. Десять человек стояли полукругом, по всему было видно, что настроение у них хорошее.

– Эй, Тимо, ты что уже влюбился? – спросил высокий бородач.

– Пока еще нет, но очень хочется, – Тимо справился с волнением.

– Смотри, сколько нас тут – и каждый не прочь влюбиться.

– Поспешите, а то здесь полно французов-ловеласов.

– Парни, кто знает, как по-испански будет «У тебя красивые глаза»?

– Сейчас скажу, запоминай! – невысокий смуглый мужчина сказал несколько слов по-испански. – Запомнил?

Тимо кивнул головой в ответ и отправился к красавице, которая только что достала воду из колодца. Она подумала, что мужчина хочет пить и снова улыбнулась. Тимо выпалил несколько слов, которые ему сказал Андрэ. Девушка на мгновение оцепенела.

– Perro! – прокричала она и окатила парня водой.

Тимо быстро сообразил, что его провели.

– Sorry, me, anteeksi, – финские и английские слова смешались.

Тимо буквально побагровел от злости: «Сейчас я проучу этого французика».

Он развернулся – бойцы-свидетели вовсю хохотали. Однако решительный вид Тимо говорил, что за шутку придется дорого заплатить. Он приблизился к французу и схватил его за

грудки. Француз, как и остальные, подумал, что этим все и закончится, но Тимо, который был выше и крупнее, попытался свалить Андрэ. Завязалась драка, дерущихся с трудом разняли.

– Вот видите, Эмиль, анархисты, они и есть анархисты. Не прошло и часа, как мы отбили атаку итальянцев, а они уже затеяли свару между собой.

– Вижу, вижу. Есть вообще у них командир или нет? Пора положить этому конец.

– Бесполезно.

Эмиль Тойкка, он же коронель Токко, в сопровождении двух испанцев приблизился к компании бойцов-анархистов.

– Tollo⁴⁰, – прокричал Тимо француз.

«Наш пострел везде поспел», – сказал себе под нос Эмиль.

– Terve, terve, kumppani⁴¹, – обратился он к Тимо.

Гнев Тимо, который еще с минуту назад был готов порвать француза на части, сошел на нет. Отрадно встретить земляка.

– Terve, veli⁴², – сказал он, обращаясь к Эмилю.

Тимо и Эмиль стали говорить на финском.

– Откуда ты, – спросил Эмиль, – как тебя зовут?

– Тимо Калио, я из Лаппи, родился в Торнио.

– Меня зовут Эмиль Тойкка, я из Советского Союза, но родился в Финляндии, жил в Лаппеэнранта.

– Красная Армия? – поинтересовался Калио.

Эмиль кивнул головой в ответ.

– А мы прибыли сюда из Канады. Большая часть воюет в батальоне имени Луи-Жозефа Папино⁴³. Война разбросала нас по разным подразделениям анархистов и республиканцев. В Канаде был кризис. Великая депрессия пришла из Штатов. Часть наших переехала в СССР, в Карелию, кто-то вернулся назад.

– О, Карелия! Карелия стала моим вторым домом, – признался Эмиль.

– Давно воюете?

– Несколько месяцев, – ответил Эмиль.

– А мы вот всего месяц, но уже есть потери.

– Война... Не знаешь, что будет завтра.

– Или даже сегодня, – заметил Тимо.

– Как в Канаде?

– В Канаде? – Тимо задумался. – В Канаде неплохо. На природе иной раз кажется, что нет никакой Канады, а ты у себя в Лаппи.

– Не тоскуешь по Родине? – спросил Эмиль.

– Даже не знаю. Мне было десять лет, когда мы уехали в Канаду, сейчас двадцать пятый год. Все эти полицейские, активисты так затюкали моего старика и матушку, что первые полгода в Канаде мы были просто счастливы хотя бы потому, что нас никто не называл коммунистами и красными. Отец воевал в Красной гвардии, выжил после чисток в восемнадцатом году, затем попал под амнистию. К чему это я? Большой тоски по Родине у меня нет. Как живется в Советском Союзе?

Эмиль на мгновение задумался – врать не хотелось, а говорить правду было слишком сложно.

⁴⁰ Дурак (*фин.*).

⁴¹ Здравствуй, здравствуй, товарищ (*фин.*).

⁴² Здравствуй, брат (*фин.*).

⁴³ Добровольческий интербригадовый батальон из Канады имени Уильяма Маккензи и Луи-Жозефа Папино, принимал участие в боях на стороне республиканцев. В батальоне было много канадцев украинского и финского происхождения. Численность добровольцев – полторы тысячи человек.

– В СССР все хорошо. У нас нет фашистов, нет войны, – Эмиль сам удивился столь простому и хорошему ответу.

Вдали прозвучали артиллерийские залпы, оба вздрогнули. Начался обстрел, объявили тревогу, бойцы вновь стали собираться в группы.

– Знаешь, Эмиль, после Испании хочу с друзьями поехать в СССР. Что подскажешь? Как можно обратиться к советским товарищам?

«Их постоянно тянет на подвиги, в СССР им хочется», – про себя возмутился Эмиль.

– Тимо, как земляку я тебе скажу – не стоит ехать в СССР сейчас, не стоит...

– Почему? – не унимался финн.

– Почему? Потому что многих моих товарищей расстреляли, и никто не может толком объяснить, за что. Здесь, за границей, вам кажется, что у нас справедливость и безопасность, но это не так. Поезжай в Финляндию, во Францию, возвращайся в Канаду, тебе нет еще и тридцати. В СССР успеешь побывать, но только не сейчас.

– Но ты же говорил, что у вас все хорошо... нет фашистов.

– Говорил и буду говорить, – ответил Эмиль.

Вражеская артиллерия не унималась.

– Похоже, нам всем пора, «макаронники» хотят взять реванш, меня ждут на позициях. Прощай, Тимо!

Эмиль протянул руку. Тимо крепко пожал ее. Бойцы посмотрели друг другу в глаза.

– Счастливо, брат, удачи!

Эмиль поспешил к автомобилю. Тимо ждали товарищи. Француз Андре протянул ему винтовку.

За предыдущую атаку итальянцев группа молодых бойцов-анархистов не потеряла ни одного человека. Им хотелось верить, что удача не отвернется и в этот раз.

– Добрый день, Арто, – вежливо поздоровался Эско. – Есть новости о русском?

– Добрый день, господин полковник, новостей у меня нет.

– Совсем никаких? Что-нибудь слышно от друзей, агентов, информаторов? в Кухмо.

Эско взглянул на Арто, этот взгляд был сродни взгляду хищника перед прыжком.

– Арто, я прекрасно понимаю, что у каждого из нас есть свои информаторы, свои друзья и не только друзья, а у них есть еще друзья, родственники и так далее. Нам нужно разобраться во всей этой истории, которую поведал таксист. Может, это хоть как-то прояснит ситуацию.

– Но я не знаю этого таксиста, а человек, который рассказал мне о том, что якобы слышал от таксиста, он его тоже не знает.

– Он или она? – немного раздраженно сказал Эско, – вы, Арто, сотрудник сыскной полиции. Придумайте что-нибудь, но информация эта мне очень нужна. Кстати, можете пообещать своим информаторам, что ЦСП в долгу не останется.

– Что, если они запросят слишком большую цену? – Арто стал играть по правилам Эско.

– Если правильно понимаю, речь идет не о деньгах. Раз так, то мы в свою очередь предоставим... – Эско на секунду задумался, – предоставим им все возможности... Возможности оказаться в нужное время в нужном месте.

– Все верно, господин полковник. Осталось дело за малым – раскрутить всю цепочку и выйти на того, кто первым узнал о русском.

– Думаю, у вас получится, Арто. Окажу любое содействие.

– Понял, разрешите идти.

– Конечно.

Арто вышел из кабинета.

«На словах все выглядит незатейливо. Требуется всего лишь поговорить с Тарьей, а затем с Лией, выйти на Эрика, а там уже на Вилье – и все узнать. Однако есть несколько «но». Допросить Эрика – значит, подставить Лию и Тарью. Поговорить с Лией, чтобы та вывела на Эрика – значит, подставить Тарью. Ехать в Кухмо и разговаривать с Вилье, минуя всю цепочку – в принципе, правильный вариант. Но Вилье служит в пограничной охране, и станет ли он вообще говорить на какие-то темы, а действовать официально Эско не рекомендовал. Нужно поговорить с Тарьей для начала, ибо от нее я узнал о русском», – Арто пытался спланировать свои дальнейшие действия.

Из своего кабинета Арто позвонил в редакцию.

– Привет, это Арто.

– Здравствуй, как дела?

– Хорошо! Будет еще лучше, если вы уделите мне свое время.

– Мы? То есть ты имеешь в виду меня и Лию?

Арто немного покраснел, хорошо, что этого никто не видел.

– Да, ты и Лия. Это все по тому же делу.

– Мы сейчас в редакции, через полтора часа будем готовы.

– Тогда через полтора часа на старом месте.

Тарья и Лия, что удивительно, пришли почти вовремя.

– Итак, Арто, какое у тебя к нам дело?

– Все то же. Русский шпион.

– Вы нашли его без нашей помощи? – улыбнулась Тарья.

– Нет, что ты, как же без вас, – в тон ответил Арто. – ЦСП хотела попросить вас о помощи.

– Тогда ближе к делу, Арто.

– Эско ищет русского. Его информаторы подтвердили рассказ Эрика. В Управление военной разведки действительно прибыл какой-то русский, и не один, а с женщиной и ребенком.

– Уже интересно! Что предлагаешь?

– Расследование мое не совсем официальное. По-моему, Эско хочет вырвать русского из лап военной разведки.

– Конкуренты хотят обыграть друг друга, – заключила Тарья.

– Может быть. Так вот, мне необходимо, чтобы Лия свела меня с этим Эриком.

– Почему ты и ЦСП не стали искать его самостоятельно, это же вам по силам?

– Согласен. Но в этом случае и закончились бы наши с вами приятельские отношения.

– Верно, Арто. Причем и мои с Лией, наверное, тоже.

– Найти Эрика – по-моему, самое простое в этой путанице, – наконец-то произнесла Лия.

– Отлично, тогда займемся поиском, – предложил Арто.

– Ребята, бойко у вас складывается. Может быть, вина за наше плодотворное сотрудничество? – на правах старшей предложила Тарья.

Эйнари смотрел в потолок. Сна не было. Он уже второй месяц жил в Финляндии на положении полубеглеца-полупредателя. Бегство из Советского Союза в конце сентября, переход государственной границы, добровольное сотрудничество с финляндской военной разведкой, почти ежедневные встречи с финскими офицерами – это при том, что Эйнари был с женой и сыном, за которых он переживал гораздо больше, чем за себя. Накал страстей и эмоций, связанных с элементарными жизненными потребностями, такими как еда и ночлег, прошел. Теперь жизнь вошла в какую-то колею, даже приобрела стабильность. Сотрудники военной разведки поначалу сильно удивлялись, что Эйнари и Анна слишком им благодарны за пакеты

продовольствия. Анна по привычке часть продуктов откладывала в закрома, что, впрочем, неудивительно. От товарищей по службе Эйнари знал о голоде в Поволжье и на Украине. Да и сам он много чего повидал за годы Гражданской войны. Рефлексы выработались на всю оставшуюся жизнь.

Теперь Хейкконена заботили мысли о том, что будет происходить дальше. Не станет же он всю жизнь жить в положении беглеца. Эйнари хотел работать, что-то делать. Жить как птица в клетке – это не в его характере. Разумеется, было несколько недель, когда Эйнари и Анна просто радовались покою, после того как их перевели из военного госпиталя в отдельный домик.

Ко всему прочему надо было думать о судьбе сына. Эйнари, конечно, занимался с Кости-ком, Анна тоже, но ребенку нужен коллектив, да и сам Костик понимал, что живут они не в глухой тайге, где одиночество – неотъемлемая часть бытия, а в каком-то заточении – изолиро-ваны от мира, который находится от них в нескольких сотнях шагов. Анна-Мария и Эйнари чувствовали, что надо становиться «финнами», коль волею судьбы оказались в столице Фин-ляндии.

Они переживали за судьбы тех, кто остался в СССР. У Эйнари эти чувства смешивались с чувством вины за то, что он покинул Красную Армию и Родину. Дело не только в советском патриотизме, который вбивали на каждом шагу, тем более Эйнари повзрослел еще до того, как появился Советский Союз. Карелия, Петрозаводск, Карельская егерская бригада стали его второй Родиной, где до определенного момента все было не так уж и плохо.

Хейкконен и сейчас думал о Советском Союзе, о товарищах в Красной Армии. В который раз в его голове завертелось ужасное предположение: «Может, тех, кто остался, уже пустили «в расход», возможно, даже из-за меня?»

Оставаться наедине с подобными мыслями Эйнари уже физически не мог и не хотел. Он буквально вскочил на ноги, моментально собрался и по привычному расписанию отправился на беседу к Арво Кярккяйнену.

– Добрый день, Эйнари, как самочувствие? – Арво, как обычно, был добродушен.

– Самочувствие прекрасное! Голова не болит, пить-то мне не с кем, – непринужденно ответил Эйнари, – а пить в одиночестве мы в России не приучены.

– А как же Анна-Мария?

– Э-э-э, нет! С женой можно выпить немного, а пить надо с мужиками, с друзьями-това-рищами.

– Логично, – решил не вступать в дискуссию Арво, зная характер Эйнари.

– Что у нас сегодня? Какая тема?

– Темы как всегда интересные! Вооружение Красной Армии.

– Могу рассказать в основном только по части стрелкового оружия.

– Хорошо, это как раз нам и нужно.

– Насколько я помню по зимней кампании, у вас со стрелковым оружием был полный порядок, Арво.

– Да, только это было не финское оружие. В основном все, что успели закупить и достать в годы мировой и позднее, когда Европа была наводнена самым разным вооружением.

– Это я помню. Во время похода мы захватывали трофеи. Десятикилограммовый пуле-мет Шоша – неплохая вещь. Стреляет – только успевай. Правда, магазин небольшой, всего на двадцать патронов. Но в ближнем бою очень полезен.

– Были у нас такие – закупали во Франции. При этом часть из них поступила в Финлян-дию нелегально. Еще был датский пулемет Мадсена.

– Слышал о таком, но использовать не приходилось.

– На вес такой же, как и пулемет Шоша, только скорострельность повыше и магазин крепится сверху. Такие были у финнов в Карелии.

– Вы это знаете? – спросил Эйнари.

– Более чем хорошо! Финны, участвовавшие в освободительном походе, были, конечно, добровольцами, но без военной разведки не обошлось.

– Помню, финское правительство всячески отрицало свою причастность к добровольческим отрядам, действовавшим в Карелии.

– Это недалеко от истины. Военные тогда имели больше влияния и власти. Финляндия только становилась как самостоятельное государство. А оружия, самого разного, после мировой войны девать было некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.